

***Хачатурян В.А.***

## **Урарты или урартийцы – кто они?**

### **Состояние расшифровки урартских надписей**

В последние десятилетия возник спор вокруг концепции государства Урарту. Для выяснения этого вопроса оставим в стороне все гипотезы, на основании которых написаны многочисленные книги и статьи на эту тему и выясним, какими фактами располагает сегодняшняя наука. Рассмотрим вначале возможности науки в расшифровке клинописных текстов. В книге «Урартские клинообразные надписи» (Москва, 1960 г., стр. 45) Г. А. Меликишвили пишет: «Нужно помнить, что урартские клинописные знаки транскрибируются соответственно тому значению, которое имели эти знаки в ассирийской клинописи. Вполне вероятно, что ассирийская система клинописи, использованная для передачи языка совсем другой, не семитической системы, не могла точно передать все звуки урартского языка, иногда клинообразный знак использовался для передачи тех звуков или звуковых комплексов, которых не было в ассирийском языке».

Итак, в самой основе мы имеем дело уже с условностью, читая клинописные надписи Ванской державы не на том языке, на котором они писались, а через ассирийский, а иногда не зная даже их звукового выражения в ассирийском, так как в ассирийском не было таких звуков или звуковых комплексов. Отсюда возникает вопрос, почему мы так доверяем себе и все прочитанное преподносим как фактический, истинный материал, а не как условный? Само собой, возникает вопрос: действительно ли все слова, в том числе названия, имена и т. д. звучат именно так, как мы преподносим это в разных изданиях, а не иначе. Эта условность теряется от издания к изданию, а в ряде случаев не учитывается вообще, что создает у читающих впечатление: наука оперирует как фактическим материалом расшифрованными текстами Ванской

клинописи, прочитанными на том языке, на котором они писались. На основе условного материала ведутся бесконечные фонетические изыскания, выдвигающие подчас взаимоисключающие точки зрения на проблему, в то время как сам факт условности прочтения данного текста или слова не констатируется.

И. М. Дьяконов в книге «Урартские письма и документы» (М. Л. 1963, стр. 20) пишет: «По мере находки новых надписей все более выяснялось, что урартской клинописи, точно также и ассирийской, свойственна полифоничность знаков... Предпочтение то тех, то иных звуковых чтений знаков или второстепенных орфографических особенностей — явление обычное в истории клинописи», т. е. мы имеем дело с языком, в котором один и тот же знак может иметь разное звуковое выражение. И здесь, не зная самого языка, мы вынуждены довольствоваться опять-таки условными категориями. Та же самая мысль выражена в уже упоминавшейся книге Г. А. Меликишвили: «Имеются случаи, когда клинообразный знак имеет несколько значений... Встречаются и обратные случаи, когда для обозначения одного и того же слога или гласного мы имеем разные знаки... Иногда знак, обозначающий гласный звук или слог, употребляется и как идеограмма... Если урартский язык действительно близко стоит к кавказской группе языков, то можно предположить, что в нем имелись разные чуждые для семитических языков аффрикаты, которыми так богаты кавказские языки. Но, к сожалению, пока что мы не в состоянии установить истинное произношение урартских знаков и вынуждены придавать им то же звуковое значение, которое они имели в ассирийском. Несомненно, в ряде случаев это наше произношение лишь приблизительно передает соответствующие урартские звуки, а иногда, возможно, существенно отличается от него... произношение звуков, как было уже указано выше, весьма условно» (стр. 44–46).

Итак, ученые-специалисты по Ванским клинописям предупреждают, что на данном этапе развития науки мы вынуждены оперировать лишь условным, а не фактическим материалом, «что мы не в состоянии установить истинное

произношение урартских знаков» и что «произношение звуков... весьма условно».

На данном этапе науки мы можем лишь, в какой-то мере, понимать клинопись Ванской державы, но не читать ее, т. е. мы не знаем звукового выражения клинописных знаков. Звучание всех слов условно и может не отражать звучание того языка, на котором писалось. Кроме того, как пишет Г. А. Меликишвили в книге «Наири–Урарту» (Тбилиси, 1954 г.), «язык этих памятников все еще недостаточно изучен» (стр. 9).

Проанализируем содержание таких слов, как Наири, Урарту, Биайна.

В надписи ассирийского царя Тукульти-Нинурты I (конец XIII в. до н. э.) написано: «...В битве я сразился с 43 царями стран Наири» (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 269). «Здесь мы имеем упоминание коалиции 43 царей из стран, расположенных на территории, именуемой «Наири» как общее название Армянского нагорья в ассирийских текстах». (И. М. Дьяконов «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 99). В течение полтысячелетия территория, расположенная севернее Ассирии, обозначалась термином «Наири» вплоть до царствования ассирийского царя Саргона I (722–705 гг. до н. э.). В реляции к богу Ашшуру с описанием знаменитого восьмого похода против Ванской державы Саргон II пишет: «во всем Урарту до пределов его я распространил рыдания, плач на вечные времена я устроил в Наири» (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 333). В определенное время под термином «Наири» подразумевали и ограниченную территорию, территорию страны Хубушкиа, расположенную так же в этом обширном районе севернее Ассирии, «Хубушкиа» был столицей этого царства, по названию города и саму страну стали называть «Хубушкиа».

В надписи Салманасара I (XIII в. до н.э.) под термином «Уруатри» также подразумевалась вся обширная территория, расположенная севернее Ассирии, «...в то время, в начале моего первосвященства возмутились против меня Уруатри», (там же, стр. 266), несмотря на то, что перед словом «Уруатри» стоит детерминатив «страны», Г. А. Меликишвили предупреждает, что здесь

термин «Уруатри» не подразумевает единую страну, так как «Уруатри не являлось каким-нибудь единым политическим образованием – Салманасар называет 8 разных стран Уруатри, у него ничего не сказано о «царе Уруатри»... (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 154). «Если у Салманасара I страны Химме и Луха упоминаются в составе Уруатри, то у Тиглатполасара I эти же страны входят в состав страны Суги, а Суги в страну Хабхи. Страна «Салуа» у Салманасара I является частью Уруатри в то время как у Ададнирари II (911–890 гг. до н. э.) Салуа и Уруатри фигурируют как разные страны... На довольно неопределенный характер названия «Уруатри» указывает и то обстоятельство, что некоторые «страны» названы одним случае в качестве составных частей Уруатри, в других случаях могли фигурировать рядом с Уруатри как отличные от Уруатри, не имеющие ничего общего с ним страны» (там же, стр. 154). Что легло в основу термина «Уруатри», пока неизвестно науке. Но этим термином Уруатри и Урарту в разные эпохи обозначались не одни и те же, а разные территории, расположенные на севере Ассирии. Скорее всего это термины, обозначающие север или северные территории, где бы они ни были на севере Ассирии. У Салманасара I (XIII в. до н. э.), Тукульти-Нинурты I (конец XIII в. до н. э.), Ашшурбелкалы (1076–1059 гг. до н. э.) термин встречается в виде «Уруатри», у Ададнирари II (911–890 гг. до н. э.) в виде «Уратри», но «во всех названных случаях подразумевается одна и та же, довольно ограниченная, территория – район, лежащий юго-восточнее Ванского озера, на среднем (а также верхнем?) течении р. Верхний Заб. Но в царствование уже Ашшурнасирпала II (884–859 гг. до н. э.) «Страна Урарту» выступает, по всей вероятности, уже обозначением совсем другого... ассирийцы в царствовании Ашшурнасирпала II, говоря об «Урарту», представляли ее лежащей где-то около Шуприи... ясно, что это уже вовсе не знакомое нам из надписей Салманасара I, Ашшурбелкалы и Ададнирари II «Уруатри», находящееся совсем в другом месте, юго-восточнее Ванского озера, а что-то другое... раньше в отношении «Уруатри» никогда в надписях не фигурировал царь этой страны – «царь страны Урарту»,

теперь, уже в начале своего царствования, Салманасар III упоминает «Аrame урартского», т. е. Араме – «царя страны Урарту» (Г. А. Меликишвили, «Наири– Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 188–190).

Как видим, термин Уруатри-Урарту не совсем ясен. Что он означает? Если определяет какую-то территорию, то неизвестно в каких границах, можно лишь сказать, что это общее название территории, лежащей севернее Ассирии. Из источников Ванской державы термин «Наири» встречается в надписях Сардури I и Ишпуини, составленных на ассирийском языке (IX в. до н. э.). «Надпись Сардури, сын Лутипри, царя великого, царя могущественного, царя вселенной, царя страны Наири... Так говорит Сардури...» (Г. А. Меликишвили, УКН, 1, стр. 117). Двухязычная надпись Ишпуини высечена на так называемой келяшинской стелле: «Когда перед богом (Х)алди в город Ардини явились Ишпуини, сын Сардури, царь великий, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Наири...» (там же, 19, стр. 127).

В варианте языка Ванских надписей вместо «царь страны Наири» написано: «царь страны Биайна».

Мы будем употреблять выражение «язык ванских надписей», который до последнего времени правомерно использовался в науке, а не «урартский язык», так как «Урарту» является географическим термином и определяет в основном территорию, расположенную севернее Ассирии, на которой появлялись в определенные эпохи, а затем исчезали те или иные политические образования, но мы имеем дело с клинописными текстами определенного политического образования – Ванской державы, а не Хубушкии, Гильзана и т. д. Территория не может создать язык, язык может создать лишь определенная общность людей, в данном случае этот язык выразился через общество Ванской державы. Когда возник этот язык и что он собой представлял? Наука пока не может ответить на этот вопрос.

В келяшинской билингве ассирийскому «Наири» равнозначна ванская «Биайна». Эти термины в основном определяли одну и ту же обширную территорию, расположенную севернее Ассирии. Итак, с XIII в. до н. э.

появляются термины Наири, Уруатри, затем Уратри, Урарту, Урашту, которые использовались как географические обозначения территории, расположенной севернее Ассирии, а также Урарат и Арарат – версия из пещер пустыни Мертвого моря (кн. Иеремии 51, 27 594/3 г. до н. э.). «Постепенно термин «Урарту» начинает заменять «Наири» в его широком значении (Г. А. Меликишвили. «Наири-Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 17), т. е. термином «Урарту», так же, как и «Наири», ассирийцы определяли «север», северные территории, а не этнический состав населения государства Урарту.

Такого же мнения и видные специалисты по истории Ванской державы.

«В ассирийских источниках второй половины II тысячелетия до н. э. мы находим... термин «Наири», являющийся в основном общим, неопределенным названием обширной территории, лежащей к северу от Ассирии вокруг Ванского и Урмикого озер. Позднее, в IX в. до н. э., термин «Наири» постепенно отходит на задний план и его с таким же общим значением начинает заменять «Урарту». В силу этого, в качестве названия интересующей нас территории мы можем пользоваться термином «Наири–Урарту». (Г. А. Меликишвили, «Урартские клинообразные надписи», Москва, 1960 г., стр. 7). Значит, термины Наири и Урарту не являются этническими обозначениями, а являются территориальным названием, названием земель, лежащих к северу от Ассирии.

Там же на странице 436 Г. А. Меликишвили подчеркивает, что «Наири» – у ассирийцев... общее неопределенное название земель, лежащих севернее Ассирии», а на 8 странице пишет, что «в ассирийскую эпоху намечается тенденция превращения «Урарту» в географическое обозначение территории, лежащей к северу от Ассирии». Это географическое название просуществовало до конца VII в. до н. э. Из вавилонской хроники известно, что в 608 г. до н. э. был предпринят поход на страну династии Хануния – «область Урарту».

Итак, по Г. А. Меликишвили, что также общепринято в науке, Урарту – термин географический, а не этнический. Несмотря на это, как его книги, так и книги

многих других ученых, изобилуют словами урарты или урартийцы, т. е. создается впечатление, что мы имеем дело с определенной этнической общностью, а не с жителями территории, именуемой у ассирийцев Урарту. Например: «Этот процесс (разложение первобытнообщинного строя. – В. Х.) завершился в IX в. до н. э., когда возникло государство урартийцев – Урартское царство» (Г. А. Меликишвили «Урартский язык, Москва, 1964 г., стр. 8) или далее на той же странице: «Конец IX в. и первая половина VIII в. являются эпохой могущества царства Урарту, которое сами урартийцы называли «страной Биайнили».

Географическим и территориальным названием ассирийцы именовали и государство, появившееся на этой территории. Ассирийцы называли своего северного соседа именем Урарту не потому, что там жили урартийцы или урарты, т. е. определенная этническая общность, создавшая это государство, а государство определяли по названию территории, невзирая на то, какие этнические группы там проживали. Также в древней Вавилонии север обозначался географическим термином Субарту. «Субарту в древней Вавилонии было обозначением территории, лежащей к северу от Вавилонии, оно часто выступает общим обозначением вообще севера... в III тысячелетии это скорее всего географическое название, обозначающее «север». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 100).

Для ассирийцев урарт – это не национальная принадлежность, а житель территории государства Урарту, расположенного севернее Ассирии. На ошибочное понимание таких текстов обращает внимание и И. М. Дьяконов: «Ассирийское *tabalaja* (табалая – В. Х.) – не название племени, а означает «жителя области Табал», ср. *sidunaja* (сидуная – В. Х.) «житель Сидона», *babelaja*. (бабилая – В. Х.) «житель Вавилона». («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 220, примеч.).

Изучение существующего материала показывает, что в древности очень редко именовали жителей по их этнической принадлежности, что отмечает и И. М. Дьяконов: «В подавляющем большинстве случаев этнические наименования в

источниках не упоминаются, а речь идет о небольших, организационно единых территориях – «странах»... следует заметить, что при таких обобщающих названиях, как «Наири» и «Этиуни», всегда ставится только детерминатив страны. Очевидно, это более географические, чем этнические обозначения». («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968 г., стр. 79). Обычно почти во всех ассирийских или ванских клинописных текстах людей называют по имени страны или города, а по национальной принадлежности, т. е. именуют их жителями такой-то территории, страны или города. Например, у самого Г. А. Меликишвили читаем: «К XIII в. до н. э., в период походов ассирийского царя Салманасара I, ... вся эта территория продолжала у ассирийцев именоваться названием «Уруатри»... Судя по данным надписей ассирийского царя Ашшуррешиши (XI в. до н. э.), под названием «Уруатри» разумелись также некоторые районы, населенные загро-эламскими племенами»; («Урартские клинообразные надписи», Москва, 1960 г., стр. 13), т. е. в данном случае констатируется, что жителями этой территории были разные племена, в их числе и загро-эламские, но сам термин загро-эламский обозначает не этническую общность, а территориальную и языковую. Эламский, касситский, гутийский и лулубийский языки принято считать в науке принадлежащими к одной загро-эламской группе родственных языков. Что означает термин «Биайна», который использовался с конца IX в. до н. э. царями Ванской державы, неизвестно, но он обозначал что-то значительное для господствующей династии: название их страны, территорию державы, а может и еще что-то другое. Термин «Биайна» не встречается в ассириовавилонских источниках, а это свидетельствует о том, что он содержит в себе нечто существенное для династии или населения Ванской державы, чего не передает термин «Урарту», использованной со стороны, как поверхностный признак. Таким образом, термины «Биайна» и «Урарту» не равноценны. Б. Б. Пиотровский отмечает это, но анализирует лингвистическую сторону вопроса: «Не совсем ясен для нас и сам термин Биайни, в настоящее время принято вместо слова Биайна употреблять этот термин в неоформленном

падеже Биайнили с суффиксом -ли. Этот суффикс в других падежах отсутствует, поэтому чтобы не создавалось впечатление, что он относится к корню слова, удобно приводить этот термин в форме Биайни, оговорив, что он понимается как множественное собирательное». («Ванское царство», г. Москва. 1959 г., стр. 32). Мы будем употреблять этот термин в виде Биайна.

Г. А. Меликишвили так объясняет смысл этого термина: «Биайнили» урартские цари рассматривали как название территории всего своего обширного царства. В Келяшинской и Топузавинской двуязычных надписях – № 19, 264 – «Биайнили» урартского текста соответствует терминам «Наири» и «Урарту» ассирийского текста: в других же надписях встречаем употребление «Биайнили» в смысле собственно страны урартских царей, противопоставленный вообще «вражеской стране», вражескому миру... Биайнили... – это территория, лежащая у южного, восточного и северного берегов Ванского озера... *biani* – Биани – область в юго-западной части Закавказья, в районе страны Диау(е)хи, возможно юго-западнее Чалдырского озера. Урартийцы, направляясь из Диаухи, через Биани и другие области попадают в страну Игани (район Чалдырского озера), отсюда же – в Эриахи (район современного Ленинакана)» (Г. А. Меликишвили, «Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960 г., стр. 423). Как видим, все это одни лишь догадки и предположения, так как наука на данном этапе не располагает достаточным фактическим материалом для объяснения этого термина, который и читается-то условно, т. е. транскрибируется соответственно значению знаков ассирийской клинописи. «До сего дня еще не совсем ясна подлинная фонетическая форма этого слова (Биайнили), в истории древнего Востока применяется ассирийский термин Урарту». (Б. Б. Пиотровский, «Ванское царство», Москва, 1959, стр. 5).

«Спор идет и о содержании термина, Г. А. Меликишвили полагает, что Биайни(ли)... следует признать общим названием урартской этнической группы в значении собственной страны урартских царей и в противоположность вообще вражеской стране, вражескому миру... термин

Биайни может быть понят двояко – и как центральная часть государства, главенствующая страна, и как все государство в целом, конгломерат различных стран, объединенных общей властью...» (там же, стр. 32).

Приведем несколько цитат из клинописных текстов Ванской державы, иллюстрирующих как, именовали общность в древнем мире. «6 тысяч 600 воинов стран Хате(и) Цупани я там поселил...» (Г. А. Меликишвили, «Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960 г., надпись 127, Хорхорская летопись, стр. 216). В этой надписи мы не имеем данных об этнической принадлежности этих воинов, указана лишь их территориальная принадлежность. О термине «Хате» И. М. Дьяконов предупреждает, что «термин «хатты» первоначально обозначал, собственно лишь «жителей г. Хатти»; сомнительно, чтобы этнос, условно называемый нами «хаттским», носил повсюду одно и то же обозначение (см. «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968 г., стр. 22) ...важно иметь в виду, что окрестные народы впоследствии обозначали как «хеттов» (хатти, хате) не один какой-нибудь народ, а все вообще население бывшей Хеттской державы, и даже шире – всех районов между Евфратом и Средиземным морем» (там же, стр. 28).

То же самое и во всех других надписях: «Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он ...Диуцини иганиеца, ...поверг их перед Сардури, сыном Аргишти...» (Г. А. Меликишвили, «УКН, Летопись царя Сардури II в нише северного склона Ванской скалы», стр. 280). Здесь под словом иганиец подразумевается царь или военачальник страны Игани; также территориальная принадлежность, а не этническая.

«Аргишти говорит ...завоевал я страну Шериази... дошел я до города Путе ...страна Биани, страна Хушани... завоевал я страну Забахае ...Дошел я до города Узинабитарна, до страны Сиримутара, горной страны. Область города Макалтуни страны Игани я пощадил. Пошел я на страну Эриахи, выступил (в поход) против страны Апуни, завоевал я город Уриеи-Уни, Царский город Уитерухи.

...Аргишти говорит... В том же году выступил я (в поход) страну Умелу..., завоевал я страну Уриани, страну Теиртуби, завоевал я Мурузу..., мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал. Завоевал я город Убаругилдуни, город царский ...дошел я до страны ку( )рупира, до страны Тарра..., мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал..., завоевал я страну Иркиуни... Выступил я (в поход) на страну Артарму ...всего 20279 человек... других – живыми увел». (Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 212).

Какие данные мы имеем в тексте об этническом составе? Никаких. К каким этническим группам относились плененные и угнанные жители этих стран? Мы не знаем. Из текста явствует то, что они были жителями таких-то стран или городов, названия которых мы читаем условно, т. е. мы имеем лишь данные о территориальной принадлежности, но не этнической. Можно взять наугад любой клинописный текст Ванской державы, и мы не найдем в них, за редким исключением, данных об этнической принадлежности тех или иных людей – покоренных, плененных, угнанных и т. д.

Все тексты создавались на основе признанного трафарета в течение нескольких столетий, и во всех текстах речь идет в основном о территориальной принадлежности людей. Люди в Ванской державе разделялись на своих и на вражеских, среди последних особое место занимали ассирийцы. Ассирийцев воспринимали как жителей Ассирии, хотя известно, что Ассирийская держава была разноплеменной или, как мы сейчас говорим, многонациональной, но нигде не подчеркивали, а может быть и не придавали значения, к какой этнической группе они относились, были ли они арамейцами, ассирийцами, хеттами и т. д., для жителей Ванской державы они были людьми Ассирии, точно также, как для жителя Ассирии все представители Ванской державы были урартийцами, т. е. жителями территории, именуемой у них Уруатри, Урарту. Своих, т. е. тех, которые жили в пределах Ванской державы, воспринимали так же, как людей той или иной территории, человек из такой-то страны или такого-то города, как мы сейчас зачастую называем армян по территориальной принадлежности: мшечи,

харбертци, ванеци, бейрутци, баквеци и т. д., подразумевая, но не подчеркивая, что речь идет об армянах, так как это, само собой разумеется. И тогда что-то подобное само собой подразумевалось.

Как пишет В. А. Якобсон, «народное самосознание впервые возникает на исходе древности и проходит многовековой путь развития, прежде чем становится связующей силой при создании «национальных» государств» (Представления о государстве в древней Месопотамии». (Древний Восток, 3, Ереван 1978, стр. 61). Это говорит о том, что в древности этнической принадлежности людей придавалось меньше значения, чем территориальной. То же самое было и в других местах, например, восточных иранцев называли: хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы и т. д. опять-таки людей определяли территориальным термином.

Так же воспринимали и ассирийцы. В анналах Ашшурнасирапала II (884–859 гг. до н. э.) читаем: «Когда я находился в Замуа – худунцы, хубушкийцы, картишейцы, гильзанцы...» (И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», В.Д.И. № 2, 1951 г., М.Л., стр. 287), т. е. жители этих местностей или этих стран, а не люди худунского племени или худунской национальности, хубушкийской национальности и т. д. То же самое мы встречаем и в надписи Салманасара III (859–824 гг. до н. э.) «...дань харгайцев, хармасцев, симесийцев, симерцев, сиримайцев и ульманийцев», т. е. дань жителей этих областей (там же, стр. 295).

В надписи Салманасара III на «Черном обелиске» из Калху написано «Страны Алзи, Сух(му) Дайэни, Тумме, Арзашкуну, царский город Араму урартского, страны Гильзану и Хубушкиа я покорил (там же, стр. 297), т. е. Салманасар III покорил страну Алзи, страну Сух(му), страну Дайэни, страну Тумме, город Арзашкуну страны Урарту, царем которого был Араму (так как всю страну Урарту он не покорил), страну Гильзану и страну Хубушкиа.

На то, что в надписях ассирийской и ванской держав оперируют не этническими, а территориально-административными обозначениями, указывает и И.М. Дьяконов: «Надписи обоих этих царей (Салманасара III и

Менуа – В. Х.), как это часто бывает в подобных текстах, оперируют не этническими, а только топографическими и политическими обозначениями» («Предыстория армянского народа, Ереван, 1968 г., стр. 216).

Так было во всем древнем мире, Ниландер отмечает, что термины «ионийцы» и «Иония» часто были административными понятиями для определения района и обитателей независимо от их этнической или культурной принадлежности... в Древневосточных текстах название «Иония» употребляется скорее в географическом, чем в этническом смысле». (М. А. Дандамаев. В. Г. Луконин «Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980 г., стр. 192).

В анналах Салманасара III читаем: «В 15-й год моего правления я пошел на страну Наири... Я прошел перевалом Тунибуии, поселения Араму урартского до истока Евфрата я разрушил, снес, сжег огнем» (И. М. Дьяконов, «Ассирийско-вавилонские источники по истории Урарту», ВДИ № 2, 1951 г., М. Л., с. 300), т. е. Салманасар III разрушил, снес поселения страны Урарту, царем которого был Араму, т. е. поселения, бывшие под властью царя Араму, а не поселения Араму урартского племени или урартской национальности. Так понимает текст и Г. А. Меликишвили, который пишет: «...в начале своего царствования Салманасар III упоминает «Араме урартского», т. е. Араме – «царя страны Урарту» («Наири–Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 190). В тексте Салманасара написано: «Я пошел на страну Наири». С таким же успехом можно приклеить это географическое название к жителям этой территории и объявить, что здесь жили наирийские племена, как это сделали с географически-политическим термином Урарту, превратив его в этнический термин – урартские племена. На «черном обелиске» из Калху написано «страны... бурисайцев (?), харранайцев, шашганайцев, андийцев...» (там же, стр. 297), т. е. речь идет о жителях областей Харрана, Андиа и т. д., что отмечает и И. М. Дьяконов в примечании: «Жители области Харрана или Харруна, в стране Маннеев, южнее озера Урмия. Андий – область в долине реки Сефидруд вплоть до побережья Каспийского моря» (там же, стр. 298). Или же в надписи

Салманасара III на так называемых «балаватских воротах»: «От Энзите до Дайаэни, от Дайаэни (.....) Арзашкун, царский город Арама урартского, я ...захватил, разрушил... Горечь моего владычества я дал изведать Урарту» (там же, стр. 299). Это значит, что Салманасар III захватил царский город, принадлежащий Араму урартскому, т. е. царский город властителя страны Урарту, Араму и дал изведать стране Урарту горечь его владычества, а не захватил город Араму урартской национальности или племени. То же самое в другой надписи этого же ассирийского царя: «Я вышел из Хубушкии и подошел к Сугунии, укрепленному городу Араму урартского, осадил и захватил город... и сжег в огне 14 его окрестных поселений...» (там же, стр. 295), т. е. захватил город и поселения, принадлежащие Араму урартскому, а не хубушкинскому, гильзанскому и т. д. О том, что в древневосточных надписях фигурируют территориально-географические, а не этнические наименования, отмечает и Л. Шагинян: «Хайаса не племенное название, а название местности – страны... Наири имеет смысл только как географический термин... Географическими являются также разнообразные наименования, которые давались местностям, областям, провинциям... В ассирийских и урартских надписях они упоминаются с детерминативом местность–страна и не должны восприниматься как этнические наименования». («Книга из глубин веков», Ереван, 1984 г., стр. 64).

В надписи Салманасара III на так называемых «балаватских воротах» говорится: «Обширную страну кутиев я разорил». И. М. Дьяконов в примечании отмечает, что термином кутии обозначали «в то время – общее название горцев в высоком стиле» (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 299), а в «Истории Мидии» (М. Л. 1956 г., стр. 104), он же пишет, что «в I тысячелетии кутиями безразлично назывались и урарты, и маннеи, и мидяне).

В надписи Шамишилу, туртана ассирийского царя Салманасара IV (781–772 гг. до н. э.) написано: «Когда Аргишти урарт... возмутившись, людей (?) страны кутиев свел в отряды... (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 303). Это значит, что Аргишти, царь страны, именуемой у ассирийцев Урарту, мобилизовал

горцев в отряды, а не царь урартской национальности или племени мобилизовал людей другой национальности, т. е. кутийской национальности или племени в отряды, чтобы сразиться с ассирийцами.

К тому же как Аргишти или любой другой царь Ванской державы мог быть урартом или урартийцем в смысле национальной или этической принадлежности, когда в течение почти трех столетий ни один из них, т. е. царей, ни в одной клинописной надписи, которая составлялась от их имени, не упомянул о том, что он царь урартского племени или урартского народа? Везде мы имеем лишь такую формулировку: «...Ишпуини, сын Сардури, царь великий, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Биайнили (асс. – царь страны Наири), правитель Тушпа–города...» (Г. А. Меликишвили, «Урартские клинообразные надписи», Москва, 1960 г., стр. 127). Опять-таки мы имеем дело с территориальной принадлежностью царя, царь такой-то страны, а данном случае арены Биайна.

Эта титулатура из двуязычной надписи, высеченной на Ксляшинской стеле. В ассирийском варианте этой надписи вместо царь страны Биайна, написано царь страны Наири, опять-таки территориальная принадлежность, а не этническая. Ишпуини именует себя царем Биайна, которую ассирийцы называли страной Наири. На наш взгляд, термины Наири и Урарту ассирийских источников больше отражали территориальные границы, чем государственные, хотя эти термины в определенное время обозначали и наименование государства. Начиная с XIII века вплоть до гибели Ванской державы термин Урарту употреблялся в основном как географическое название и только в определенное время как административно-политическое, о чем пишет и Г. А. Меликишвили: «...когда говорится, что гора Тас находится на границе Урарту, само это название («Урарту») употребляется уже в несколько ином смысле, а не в значении Урартского царства. Оно, по всей вероятности, употребляется в качестве географического термина, приблизительно в таком общем значении «севера», какое имело в древности название «Наири» («Наири–Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 297).

В анналах Тиглатпаласара II (745–727 гг. до н. э.) читаем: «Сардури урартский возмутился против меня и вступил в соглашение с Мати'элем из Бит-Агуси...» (там же, стр. 313). И. М. Дьяконов в примечании объясняет: «...обычный тип образования имен жителей от топонимических названий» (там же, стр. 314), т. е. Сардури из Урарту, а Мати'эл из Агуси. «Бит» означает «дом», т. е. из дома или из рода, проживающего в Агуси. «Сардури урартский, Сулумал мелидский, Тархулара гургумский... Кушташпи кумухский, ...Дань Кушташпи кумухского, Урика куэйского, Сибиттиби'ила библского..., Эниэля хамитского, Панамму самальского, Тархулары гургумского, Сулумала мелидского, Дадиму каскейского, Уассурме табальского, Ушхитти тунского, Урбалды туханского, Тухаме иштундского, Уримму хубишнского. Матанби, ила арвадского, Санипу бит-амманского, Саламану моавитского... Митинги аскалонского, Йаухазу иудейского, Каушмалаки эдомского, Муцрайа... Хануну газского...» (там же, стр. 314–315).

Все эти термины обозначают не этническую принадлежность того или иного царя, а территориальную, они цари таких-то стран или правители областей, как именовали их ассирийцы. Сардури царь страны Урарту, Сулумал Мелида, Тар-хулар Гургума и т. д. кумухский означает правитель области Куммуху в долине Евфрата, табальский – правитель области Табал, туханский – правитель города, именуемого в античное время Тоана, город в южной Каппадокии, арвадский – правитель города в северной Финикии, бит-амманский – правитель города (современный Амман в Трансиордании) и т. д. И. М. Дьяконов в статье «К праистории армянского народа» (ИФЖ, № 4, 1988, Ереван, стр. 172) подчеркивает, что «урартские и особенно ассирийские цари мало интересовались этническим составом населения тех стран, с которыми они воевали и которые упоминаются в их надписях».

Иногда территориальное название приписывалось народу, населяющему эту территорию, но к какой этнической общности принадлежал данный народ, нам неясно.

В своде разведывательных донесений, составленных царевичем Синнаххерибм для Саргона II читаем: «...Уккийцы писали мне: царь урартский как пошел на страну Гамир...» (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 340) или в другом донесении: «...Заберите ваши войска, идите, захватите областеначальников царя Ассирии живыми в поселении кумейцев...» (там же, стр. 434). Далее: «...Царь урартский из того, что принесли ему зикерты, ничего не взял...» (там же, стр. 343), или же: «...Арцабиец писал: «Пусть побьют уккийца передо мной...» (там же, стр. 343).

Уккийцы – это жители поселения Укку в долине притока Тигра Хезиль-су, восточнее горы Джуди-даг, кумейцы – жители поселения Куму или Кума, зикерты – жители области Зикерту, Зикарту, арцабиец – житель или правитель крепости Арцабиа.

В письме Ашшуррисуи Табшар – Ашшуру (?) времен Саргона II упоминаются: «...ит(уайцы) города Дур-Шамаш (.....) поселения Барзангин(т)...» о чем в примечании И. М. Дьяконов дает объяснение, что «итуайцы, туайцы или утуайцы, – арамейское кочевое племя, жившее на Тигре, к югу от Ассирии и использовавшееся в ассирийской державе для полицейской службы» (там же, стр. 348). Таким образом, мы имеем дело с арамейской этнической общностью, а не итуайской, в Ассирии жили и работали не итуайцы, а арамейцы, о чем в надписи нет этнических данных.

В письме Ашшурдурпани царю Саргону II написано: «...Пятидесятник со своими людьми прибыл в Мархуху, крепость шуприйцев...

Мой пятидесятник с сотней лучников и щитоносцев-мархухцев пошел вместе с Илудалой...» (там же, стр. 354). Здесь сотня лучников и щитоносцев-мархухцев означает, что они люди крепости Мархуху, а не люди мархухской этнической группы, т. е. мы имеем наименование людей по территориальному признаку, а не этническому. То же самое относится и к крепости, которую построили шуприйцы, т. е. люди страны Шуприа, с территории этой страны, а к какой этнической группе принадлежат эти люди нам неизвестно.

В письме Арад-Сина государственному глашатаю Ассирии написано: «По... пулийцев и по поводу сурианцев вся страна Урарту очень страшится» (там же, стр. 339), о чем в примечании на стр. 340 И. М. Дьяконов дает объяснение, что речь идет о жителях городов Пулиани и Суриани.

В анналах Саргона II (722–705 гг. до н. э.) читаем: «В шестом году моего правления Урсаурартский возмущил против Шаррукина и Азы, сына их господина, Багдатти уишдишского и Митати зикиртского, наместников Страны Манеев»... (там же, стр. 316), т. е. Урса из страны Урарту возмущил против Шаррукина и Азы Багдатти, наместника области – территории Уишдиш, и Митати, наместника области – территории Зикирту. И опять речь идет о территориальной принадлежности людей, а не этнической.

В тексте неизвестного автора написано (после 714 г. до н. э.) «По поводу воинов-мусасирцев, начальника которых я имею у себя:...» (там же, стр. 347). Мусасирцы – означает жителей города Мусасир. Это город Ардини Ванской державы, которую ассирийцы называли Мусасиром или Муцациром.

В книге «Наири–Урарту», Г. А. Меликишвили пишет: «Судя по хеттским источникам, название «кашки» у хеттов скорее всею превратилось в общее обозначение северо-восточных, варварских племен» (Тбилиси, 1954 г., стр. 410), т. е. мы имеем не этническое наименование, а территориально-социальное, т. е. племена варваров, этнические группы которых неизвестны.

В книге «Культура и экономика древнего Ирана» М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин пишут: «лидийцы упоминаются также в документах второй половины V в. из Ниппура, где они называются *sapardaja* по названию столицы Лидии Сарды (по лидийски Сфарда)»...» (Москва, 1980, стр. 294). Опять мы имеем упоминание людей не по этническим признакам, а территориальным, люди из города Сфарды, а не лидийцы.

С таким же успехом могли именовать людей по ландшафтным признакам, например, страна Бабхи или Пабхи означает горная страна, т. е. жители гор, люди горной страны, а к какой этнической группе принадлежали эти люди горной страны у нас нет никаких данных. «Страной пабхийцев» обозначалось

не политическое объединение, это было понятие общего характера, под которым подразумевалась обширная горная территория, заселенная, по-видимому, многочисленными племенами» (Л. М. Головлева, «Царство Алзи во второй половине II тыс. до н. э. Древний Восток, 3, Ереван, 1978, стр. 85). Или же называли их просто чужеземцами, например, «древнее население Карии обозначалось как лелеги, что, вероятно, соответствует хеттскому (из хурритского) лулаххи «чужеземцы». (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 118).

В «автобиографии» Хаттусили III читаем: «Враг из Арцавы со стороны Нижней страны разорил все хеттские области и сделал города Туванува и Уда себе границей» (В. Н. Хачатрян, «Юго-западные провинции хеттского царства». Древний Восток. 4, Ереван, 1983, стр. 148). Для хеттского царя главным был враг, а к какой этнической общности принадлежал этот враг, его не интересовало. «Хетты, подобно другим народам до и после них, представляли собой смешение различных рас» (Дж. Г. Маккуин «Хетты и их современники в Малой Азии». Москва, 1983, стр. 50). Ассирийцы называли «хеттами» все население западнее Евфрата, в том числе и жителей Сирии, Финикии и Палестины. Мушки, видимо, этнический термин, но и он со временем трансформировался в собирательное значение, о чем пишет и И. М. Дьяконов: «Что касается термина мушки, то... это прозвище по каким-либо историко-культурным признакам и ассоциациям могло широко применяться впоследствии к разным племенам и народам» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 222).

«Очень важно иметь в виду, что на ранних этапах развития общества, как правило, не существует обычно всеобъемлющего самоназвания для целого этнического массива – люди обычно называют себя только по своей общине («сидоняне», «франки» и т. п.), или даже просто «людьми»...

Источники очень редко позволяют установить, является ли данное этническое обозначение самоназванием или названием, которое употребляют только соседи. В последнем случае оно может быть очень общим, охватывающим

целую группу сходных по культуре, но различных народов (например, «татары», «индейцы», у греков – «скифы»). (Ср. также в современной Европе «валахи», что означает то «итальянцев», то «румын», то «кельтов»... у шведов *finne* значит «финн», а у норвежцев – «саам»...), или, наоборот, местным обозначением жителей определенного района, употребляемом в расширительном смысле (например, латышское *krievs*, первоначальное обозначение соседнего славянского племени кривичей, теперь значит «русский» (стр. 195)... грузинское *сомехи* «армянин» собственно означает жителя области Сухму на верхнем Евфрате); или это может быть традиционное название, перенесенное с прежних обитателей данной местности (галлы в смысле «французы», сарматы в смысле «славяне»...) или даже совсем другого народа, на основании каких-либо историко-культурных ассоциаций, например, термин «таджик» первоначально значило «араб» (примеч). «В средневековых исторических сочинениях Закавказья встречается термин *кедар* для обозначения некоторых кочевых племен, перенесенный из Библии, где он означал одно древнеарабское племя в Сирии–Палестине. Ср. также *ашкенази* – старинное самоназвание восточно-европейских евреев; первоначальное значение этого термина – «скиф», (там же, стр. 196), ...греки в средневековье одно время называли себя ромеями, то-есть римлянами; ...французы называют себя *français* по имени германского племени франков, сыгравшего весьма второстепенную роль в этногенезе французского народа; самообозначение «таджик», обозначало «араб», потом «человека арабской мусульманской культуры», и лишь впоследствии ираноязычную народность Средней Азии, существовавшую и до возникновения этого термина; случайным является самообозначение американцев, по имени географа Америко Веспуччи.

Иногда как самоназвание сохраняется обозначение прежних, давно исчезнувших жителей данной страны (например, британцами сейчас называют себя англосаксы, когда-то вытеснившие и истребившие древних кельтов-бриттов)... самоназвание немцев – *Deutsche*; термин «германцы» был чужд

самим германским племенам; на Востоке не имели общего самоназвания, например, шумеры). (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 197).

Итак, термины Наири и Урарту являются географическими названиями, которые в определенные периоды обозначали и государственные объединения, появившиеся на этой территории. Термин Урарту (а также и Наири) никогда не обозначал этническую общность, поэтому не было урартского или урартийского народа, не было урартов или урартийцев, а были жители страны Урарту или Ванской державы, которые сами себя никогда не называли даже жителями страны Урарту, а называли себя жителем страны Биайна.

То же самое относится и к термину «хетты»: «Название «хетты» не подразумевает племена одного и того же происхождения. Это название употребляется нами сейчас как общее собирательное имя племен, населяющих в древнюю эпоху территорию Малой Азии, но под этим традиционным названием мы объединяем племена, весьма далеко стоящие друг от друга по своей этнической принадлежности, по своему происхождению» (Г. А. Меликишвили. «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954 г., стр. 71-72).

Дело в том, что древний мир не аналогичен нашему. В те далекие времена были другие ценности и критерии в оценке отношений как между людьми, так и между теми или иными обществами и государствами, которые нам очень трудно, а иногда и невозможно постигнуть. Мы можем обнаружить лишь факты, но не в состоянии реконструировать духовную модель древнего мира. Он был другой. Вот этот другой мир, непохожий на наш, и трудно воспринять, что и превращает исследование древнего мира в условную схему того, в котором мы живем, т. е. в условную схему мира, аналогичного нашему, на что указывает А. Д. Столяр, отмечая, что в древнем мире «синтез и взаимодействие протекали в исторически специфичном, далеко не современном виде» («Проблемы происхождения палеолитического изобразительного искусства как предметно-генетическая задача. Древний

Восток и мировая культура, Москва, 1981, стр. 6). Каждая культура – замкнутое в себе целое, безотносительно от времени и местонахождения, она развивается по своим внутренним законам и не поддается сравнениям. Оценивая имеющийся материал не с позиций и понятий современного человека, а с позиций и понятий тех людей, которые создавали надписи, своих богов, материальные ценности, приходишь к выводу, что тогда мало значения придавалось в надписях, а может быть и в жизни, этнической стороне, так как в них больше данных о территориальной принадлежности людей. В науке бытует мнение, что в ассирийских надписях часто детерминатив города ставится и перед названиями стран, и перед племенными названиями. Почему? Конечно, не потому, что древние были малограмотны и не разбирались в таких вопросах. Видимо, само понятие «страна» было не такое, как мы понимаем сейчас, также и понятие племенного названия. Какой смысл они вкладывали в понятия город, страна, племя науке еще предстоит уточнить.

И. М. Дьяконов предупреждает, что «следует иметь в виду, что детерминатив «город» может с таким же успехом стоять перед названием крепости, селения и вообще любого населенного пункта. Кроме того, детерминативы «города», «страны» и «племени» довольно часто чередуются между собой». (АВИИУ, ВДИ, 2, 1951, М.-Л., стр. 268, примеч.) «...Следует заметить, что при таких обобщающих названиях, как «Наири» «Этиуни», всегда ставится только детерминатив страны.

Очевидно, это более географические, чем этнические обозначения». («Предыстория армянского народа», Ереван, 1965. стр. 79). Если «Наири» и «Этиуни» географические обозначения, то таким же является и «Уруатри».

### **Урарты или урартийцы**

Попытаемся проследить, на основе каких объективных научных данных появились в истории урарты или урартийцы.

По определению самого Г. А. Меликишвили, книга «Наири–Урарту» написана на основе лишь письменных источников, а не на основе комплексных данных разных областей человеческой деятельности, о чем и читаем у него, что «материалом для нашего исследования служат главным образом древневосточные письменные источники» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 8). Проблеме этнического состава посвящена вторая глава книги Г. А. Меликишвили «Наири–Урарту» «К вопросу об этническом составе населения Наири–Урарту и соседних с ним областей». В четвертой части этой главы под названием «Урартские племена» читаем: «Территория, лежащая на восточном побережье Ванского озера, была центральной областью Урарту и, таким образом, ясно, что являлась местожительством «урартских племен» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 106).

Если какая-то территория была в центре другой территории, то почему жители этой территории, именуемой в ассирийских источниках Урарту или Наири, а в Ванской державе – Биайна, были ни кем-нибудь, а именно урартскими племенами? В данном случае географическое название, механически, без каких-нибудь научных доказательств, превращено в этническое.

Читаем дальше: «Урартские племена жили, несомненно, и на южном побережье Ванского озера – здесь находилась одна из центральных областей Урарту – Аи(а)ду». (Там же, стр. 106). Непонятно, почему здесь, на южном побережье Ванского озера также жили «несомненно» именно «урартские племена», только потому, что здесь находилась территория области Аи(а)ду? Далее: «С юга к территории урартийцев непосредственно примыкала Хубушкиа... ее население, возможно, являлось хурритским». (Там же, стр. 106).

Что касается урартийцев, то нет сомнения в том, что в Урарту жили урартийцы, а вот насчет населения Хубушкиа, почему-то не написано хубушкийцы, как это было сделано с урартийцами, а написано, «возможно, являлось хурритским».

Из изложенного материала, у Г. А. Меликишвили, касающегося населения Ванской державы, вытекает, что так как была территория Уруатри, Урарту, Наири, Биайна, а на ней образовалось царство, которое в определенное время в ассирийских текстах именовалось географическим термином – Урарту, а в ванских надписях – Биайна, то там должны были «несомненно», жить урартские племена, а если там жили урартские племена, то они «несомненно» были урартийцами.

В другом месте Г. А. Меликишвили после описания маршрута третьего похода Салманасара III и определения территории Ванской державы пишет: «Таким образом, оказывается, что владения Араме были на западе раскинуты по линии от истока Зап. Тигра до истока Зап. Евфрата. Таким образом, оказывается, что уже в эпоху «первого» урартского царя Араме царство Урарту включало в себя значительную часть территории распространения урартских племен. В это крупное объединение урартских племен не вошли, очевидно, лишь урартские племена, жившие на крайнем юго-западе, в районе Мусасира, а также урартские племена, жившие на крайнем севере распространения урартских племен – в районе Араратской горы, в Араратской долине и т. д. – племена этих областей урартским царям приходилось присоединять лишь позднее, силой оружия». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 193). По Г. А. Меликишвили получается, что если территория входила в состав Ванской державы, то на ней обязательно жили урартийцы, т. е. урартская этническая группа, исходя из предпосылки: название территории – название этноса, но почему в таком случае другую часть этого этноса приходилось царям – предводителям этого этноса – объединять силой оружия, войной, переселением из одних мест, т. е. с территорий этих, так называемых, «урартских племен», в другие места, опять-таки на территории так называемых «урартских племен»?

Но на странице 262 Г. А. Меликишвили уже сомневается, что в Араратской долине жили урартские племена, и пишет: «по всей вероятности, были в это время заселены племенами Урартского же происхождения», а на стр. 265

оказывается, что здесь не жили урартийцы, так как «в Араратской долине и в Районе совр. Ленинакана при Сардури II продолжаются войны урартийцев с местным населением... многие племена, покоренные урартийцами, не могли примириться с выполнением налагаемых на них урартийцами обязательств и поднимали восстания. Неоднократно идет походом Сардури II в страны Эриахи (район совр. Ленинакана) и Абилианихи (в Араратской долине). Урартский царь уводит отсюда много пленных и большое количество разного скота». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954).

В той же части текста, где рассматривается вопрос о царстве Хубушкиа, Г. А. Меликишвили уже не употребляет географическо-административный термин как «этнический». В эту эпоху, в IX в. до н. э. в Наири образуется, по всей вероятности, не одно лишь крупное Урартское царство, но наряду с ним возникают также другие крупные объединения племен Наири... Таковым являлось царство Хубушкии... Салманасар III... появляется на территории Хубушкии. В частности, он подходит к Шилайа, укрепленному городку Каки, царя Хубушкийского», ...Салманасар называет этого царя Хубушкии «царем страны Наири» (Там же, стр. 193–194). Но термины Наири и Урарту пока что мы понимаем, как равнозначные, оба определяют обширную территорию, расположенную севернее Ассирии, почему же при решении этнического состава государства Урарту на этой территории оказываются «урартские племена», а в Хубушкии, которая также расположена на той же территории, именуемой Урарту–Наири, их не оказывается? Затем, когда Салманасар III пишет, что «Арзашку, царский город Араму урартского, я захватил, разрушил, снес и сжег в огне»... (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 299), то по Г. А. Меликишвили получается, что Араму урартский – это значит Араму урартского племени, а Каки хубушкийский – не хубушкийского племени или же не наирийского племени, т. е. не создает хубушкийский или наирийский этнос. Хубушкиа и Наири административно-географические термины, так же, как и Урарту, но Урарту почему-то превращается в этнический термин, и в то же время на стр. 190 Г. А. Меликишвили пишет, что «в начале своего

царствования Салманасар III упоминает «Араме урартского», т. е. «Араме – царя страны Урарту» («Наири–Урарту», Тбилиси, 1954). Как видим, здесь Г. А. Меликишвили термин «урартский» понимает уже как административно-политический («Араме – царь страны Урарту»), а не этнический.

В сущности, по Г. А. Меликишвили получается, что, если данная территория входила в состав Ванской державы, то на ней жили «урартские племена», т. е. не те или иные известные в науке и доказанные на основе научных данных этнические группы жили на этой территории, именуемой у ассирийцев Урарту и Наири, а наоборот, если эта территория именовалась Урарту, значит на ней жил урартский этнос. Но ассирийцы «урартов» называли и кутиями, тогда, наверное, можно считать их представителями кутийского этноса, о чем знает и Г. А. Меликишвили. «Кутии упоминаются и позднее у Салманасара III, Саргона II, Асархаддона и др., но в эту позднюю эпоху данное название в основном употребляется уже не как этнический термин, не как обозначение какой-нибудь определенной этнической группы, а в нарицательном значении – в качестве общего названия северо-восточных горцев – под этим названием подразумевалось иногда, например, население Урарту». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 119).

Для одного отрывка Сардуровской летописи Г. А. Меликишвили предлагает следующий перевод: «Город Эдиа, царский город (правителя племени) Абиани, в бою я завоевал; город Ируиа, царский город (правителя племени) Иркуа, укрепленный, в бою я завоевал; город Ирдуа, царский город (правителя племени) Уеирда, укрепленный, в бою я завоевал...». В указателях же к своему корпусу урартских клинообразных надписей Г. А. Меликишвили добавляет: «Abiani – племя в Южном Закавказье, irkua – племя в Южном Закавказье,... Ueirda – племя в Южном Закавказье». (Н. В. Арутюнян, «Заметки по урартской эпиграфике», Древний Восток и мировая культура», Москва, 1981, стр. 76).

После исследования этого отрывка Н. В. Арутюнян доказывает, что здесь имена царей прочитаны как племенные названия, «...в интересующем нас отрывке Сардуровской летописи в Абиани, Иркуаини и Уердаини следует

видеть не названия племен, как это до сих пор утверждалось в специальной литературе, а имена правителей» (Там же, стр. 77).

«Сисианская надпись одновременно позволяет установить, что Uerdaini анналов Сардури II является не названием племени, как это до сих пор утверждалось в специальной литературе, а именем царя, которому в то время принадлежал царский город iruda... Таким образом, в указанных анналах, наряду с Uerdaini, следует считать личными именами (вместо прежних племенных названий), также Abiani (царским городом которого был Edia) и irukaini (царским городом которого был iruia). Имя этого же правителя irukaini, в свою очередь не имеет никакого отношения к названию страны (племени) ir(e)kua(hi)-Erikua(hi), как это ранее полагалось». (Н. В. Арутюнян, «Новая урартская надпись из Сисиана». Древний Восток IV, Ереван, 1983, стр. 219).

Например, термин Nabiry или hariru, который встречается по всему Древнему Востоку, не является этническим термином, а является прозвищем людей, которые, бродяжничая, ищут заработка.

Этим термином в разное время обозначали людей, которые живут в разных местах и принадлежат к разным народам.

В свое время Леман-Гаупт именовал Ванскую державу – Халдией (страна Халдия), а жителей Ванской державы – халдами, исходя из того, что верховным богом Ванской державы был Халди, а термин халдинини, встречающийся в текстах, читал как люди Халди, халдейцы, о чем Б. Б. Пиотровский пишет: «В научной литературе по Древнему Востоку можно встретить указание, что урарты называли себя по имени их главного бога халдами, а свою страну Халдией. Это положение совершенно ошибочно и должно быть решительно отвергнуто, так как оно основано на устаревшем понимании некоторых стереотипных фраз, встречаемых в урартских текстах». (Б. Б. Пиотровский, «Ванское царство», Москва, 1959, стр. 225). Г. А. Меликишвили об этом пишет: «...так, тоже необоснованно, именовал Леман-Гаупт урартийцев». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 11).

Но какие основания и какие научные данные есть о существовании не халдов, а урартийцев? Если есть, то почему у Г. А. Меликишвили не аргументировано в книге появление так называемых «урартских племен». Но их пока нет в науке. А есть лишь один факт: географически-политический термин механически превращен в этнический. С таким же успехом можно доказать, что в Советском Союзе живут люди советской этнической группы, а не русские, грузины, латыши, армяне и т. д., а в Америке – американский этнос, а не голландцы, англичане, немцы, французы, армяне и т. д., а на Кавказе живут люди кавказской национальности, в Поволжье – волжской национальности, в Средней Азии – среднеазиатской, а не узбеки, туркмены, таджики и т. д. Далее в вышеуказанной главе «Урартские племена» книги Г. А. Меликишвили «Наири–Урарту» все написано в таком же духе. «В юго-восточном направлении урартские племена были распространены на еще большем расстоянии... Таким образом, нельзя сомневаться, что с древнейших времен урартские племена были распространены далеко к юго-востоку от Ванского озера... Таким образом, урартские племена в восточном направлении от оз. Ван были распространены, по всей вероятности, до северного побережья Урмийского озера; урартские племена по всей вероятности, были распространены на далеком расстоянии к северу от Ванского озера» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 106) и т. д.

Далее Г. А. Меликишвили приводит уже доказательство существования урартских племен, что уже представляет определенный интерес: «То, что население на северном побережье Ванского озера уже в эпоху образования Урартского царства (IX в. до н. э.) было урартским, видно из следующего факта: надпись урартского царя Руса II, найденная в селении Адыльджеваз, расположенном на северо-западном побережье Ванского озера, упоминает страну Зиукуни, находящуюся, очевидно, в этом районе. В других урартских надписях эта страна не упоминается, но в культовой надписи царя Ишпуини и его сына Менуа (конец IX в.) среди божеств общеурартского пантеона упоминается бог с таким названием – Зи(у)куни. Бог Зиукуни, несомненно,

был главным местным богом «страны Зиукуни». Ясно, что Зиукуни являлось, очевидно, одним из значительных урартских племен. ...Таким образом, со всей очевидностью выясняется, что северное побережье Ванского озера «в это время было заселено урартскими племенами». В примечании дано объяснение: «Подтверждением принадлежности названия Ziugunj урартской этнической группе может служить наличие среди «стран Уруатри» (Урарту) «страны», название которой весьма близко стоит к этому названию, Zingun». (Там же, стр. 108).

Проанализируем это доказательство о существовании урартских племен. В надписи царя Руса II упоминается страна Зиукуни, местонахождение которой лишь предполагается в этом районе, «очевидно, в этом районе», но не доказано. Но это не так уж и важно. В надписи Мхери-дур упоминается бог с таким названием – Зи(у)куни. Предположим, что «Бог Зиукуни, несомненно, как утверждает Г. А. Меликишвили, был главным местным богом «страны Зиукуни». Но это не означает, что из этого можно сделать такой вывод. Но почему же «ясно», что Зиукуни являлось, очевидно, одним из значительных урартских племен»? Оставим в стороне, с одной стороны ясно, т.е. утвердительно, с другой очевидно, т.е. под сомнением. И разберем, на каком основании все так ясно.

Бог Зиукуни мог попасть в пантеон божеств Ванской державы как местный племенной бог, а племена, поклоняющиеся этому богу, были в составе этого политического объединения с самого начала или же были покорены после. Боги всех племен, населяющих эту державу, входили в общегосударственный пантеон по определенному рангу. К какой этнической группе относилось население этой «страны Зиукуни» – неизвестно. Ведь в надписи Руса II упоминается «страна Зиукуни», т. е. мы имеем территориально-административный термин, а не этнический. И только потому, что эта территория, эта страна входила в состав Ванской державы, по Г. А. Меликишвили получается, что там жили урартские племена. Конечно, население этой области-страны жило в Ванской державе, и их бог мог быть в

пантеоне божеств этой державы, но при чем здесь «урартские племена»? С таким же успехом Г. А. Меликишвили мог сказать, что там жили зиукунские племена, если в стране Урарту жили урартские племена, то в стране Зиукун, по теории Г. А. Меликишвили, должны были жить зиукунские племена, а после того, как страна Зиукун вошла в состав Урарту, зиукунские племена должны были бы превратиться в урартские племена. А после такого доказательства читаем: «Таким образом, со всей очевидностью выясняется, что северное побережье Ванского озера в это время было заселено урартскими племенами».

Б. Б. Пиотровский считает, что Ванская держава была разноплеменной, «...термин Биайни может быть понят двояко – и как центральная часть государства, главенствующая страна, и как все государство в целом, конгломерат различных стран, объединенных общей властью» («Ванское царство», Москва, 1959, стр. 32), так же «отличных между собою как по этническому составу, так и по культуре» («О происхождении армянского народа», Ереван, 1945, стр. 11) и отмечает, что «Г. А. Меликишвили взялся за решение труднейших вопросов урартской истории, недостаточно освещенных в ассирийских источниках». («Ванское царство (Урарту)», Москва, 1959, стр. 50).

Но Г. А. Меликишвили и сам сомневается в истинности своих доказательств или гипотез. «Понятно, проблема определения этнической принадлежности населения интересующих нас областей является весьма сложной и ответы, которые можно дать на многочисленные вопросы, которые встают перед нами при рассмотрении этой проблемы, не всегда являются удовлетворительными. Иначе и не может быть при том скудном материале и в обстановке порой весьма слабой изученности его, которую мы имеем в настоящее время». («Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 147). Но несмотря на все утверждения об урартских племенах на территории Наири–Урарту, Г. А. Меликишвили входят в противоречие сам с собой», так как в начале книги указывает, что «на

этой обширной территории в период Наири–Урарту жило много племен, находилось много политических и этнических образований». (Там же, стр. 8).

Прав Г. А. Меликишвили, что на данном этапе наука не располагает объективными научными данными по этому вопросу, чтобы делать такие далеко идущие выводы.

О несостоятельности такого метода исследования пишет Л. Д. Липин в рецензии на книгу Г. А. Меликишвили «Наири–Урарту». «Весьма важной, но запутанной проблеме посвящена вторая глава. Автор пытается установить этническую принадлежность населения древнего Закавказья и соседних областей... Но иногда Г. А. Меликишвили грешит против истины, увлекаясь маловероятными гипотезами, на которые он опирается в дальнейшем как на установленные факты... Сама методика исследования в данном случае нам представляется неправильной, так как предположение не есть доказательство» (Л. А. Липин, «Г. А. Меликишвили, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, «Наири – Урарту», Советское востоковедение, № 3, 1956, АН СССР, стр. 132), далее, на страницах 152, 156 он также отмечает:

«Достойно сожаления, что Г. А. Меликишвили порой высказывает всякого рода предположения, не имея возможности убедительно их аргументировать за отсутствием подтверждающего материала... автор часто злоупотребляет различными гипотезами, на основе которых он в дальнейшем строит свои выводы, опираясь на них, как на твердо установленные факты».

Приблизительно так в разных изданиях появились в мире урарты или урартийцы как этническая общность и кочуют из одной книги или статьи в другую без всяких доказательств.

### **Вопрос о хурри-урартских взаимоотношениях**

Изложив свою гипотезу об этносе Ванской державы, Г. А. Меликишвили иначе трактует вопрос об этническом составе нагорного Загра: «...мы в ономастике населения нагорного Загра встречаем много чужих,

заимствованных от соседних народов, имен. ...Наряду с этим в немалом количестве обнаруживаются среди населения северной части нагорного Загра также хурритские имена». Это скорее всего нужно относить за счет влияния... а не рассматривать ...как свидетельство хурритского характера населения этих областей»... (Там же, стр. 139). Точно также можно отметить, что индоевропейские имена разбросаны на территории государства Митанни, преобладающее население которого считается хурритским.

Как доказательство того, что в Ванской державе жили только хурри-урарты, Г. А. Меликишвили указывает и на поклонение богу Тейшебе, т. е. Тешубу (Тешшоб), которому поклонялись хурриты. «Наличие общих имен богов у урартийцев и хурритов свидетельствует не только о языковой близости этих двух этнических групп, но и о близости между ними в отношении культуры и, в конечном счете, в отношении их культурно-этнического облика» («Урартский язык», Москва, 1964, стр. 12). Во-первых, общность культуры это еще не означает и этнической общности, а во-вторых, в Ванской державе поклонялись и богам из хеттского пантеона, «божеством урартской столицы, Тушпы, был, по-видимому, солнечный бог хеттского происхождения – Шивини». (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 140). Остановимся на примере хеттской державы. Дж. Г. Маккуин в книге «Хетты и их современники в Малой Азии» (Москва, 1983, стр. 121) пишет: «...династия периода империи, начавшаяся примерно в 1450 г. до н. э. с восшествием на престол Тудхалии I, была по происхождению хурритской и к концу этого периода весь официальный пантеон богов был хурритизирован. Это особенно четко определяется по скульптурам божеств хеттского пантеона святилища Язылыкая, которые выстроены по хурритской иерархии и носят имена хурритского происхождения». Но, как известно, преобладающую роль в хеттской державе имело индоевропейское население. То, что в Ванской державе поклонялись богу Тейшебе, еще не доказывает, что преобладающее население этой державы были хурриты или, как их называют, – урарты.

А в религии хурритского государства Митанни «и в остальных областях идеологии, сказывалось сильнейшее влияние Вавилона. Наиболее важными божествами были бог-громовик Тешуб (Тешшоб)... и многочисленные местные боги.., среди хурритских богов почитались также вавилонские и индоиранские» (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 71). Вообще в древнем мире «поклонение богам соседних племен, паломничество в их культовые центры и жертвоприношения их богам были широко распространены у древневосточных народов». (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту» Тбилиси, 1954, стр. 166). Религиозный фанатизм возник уже в средневековье. «В Мемфисе был храм вавилонского бога Набу... вавилонским бщгам Белу, Набу, Шамашу и Нергалу... поклонялись не только вавилоняне, не также финикийцы, арамеи и иудеи, жившие в Египте». (М. А. Дандомаев, В. Г. Луконин, «Куьтура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 301). В Ванской державе поклонялись и богу Вавилонии Мардуку «среди признанных в Эребуни (и Тейшебаини) божеств был и Мардук бог Вавилона» (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 234, примеч). Но это не доказательство того, что здесь жили только вавилоняне или семиты.

Как известно, главным божеством хурритских племен был Тешшоб, хотя он почитался и в Хеттской державе, где первенство принадлежало индоевропейскому населению. Но почему же главным богом Ванской державы был Халди, а не Тешшоб или Тейшеба? Как будто само собой разумеется, что если Вакскую державу населяли только хурри-урартские племена, как считают Г. Л. Меликишвили и другие, значит и выбирать было не из чего, так и поклонялись бы своему верховному богу Тейшебе и после создания государства и империи. Как же получилось, что хурритам пришлось отодвинуть своего верховного бога на второй план и вывести вперед Халди? «Не случайно урартские цари выбрали государственным богом Халди, культовый центр которого (Муцацир) находился вообще за пределами державы, а не бога столицы Урарту Тушпы – солнечного Бога Шивини с его

женой Тушпуза, и не традиционного верховного бога – громовержца громовержца хуррито-урартских племен Тейшебу города. (Кумме(ну) с его женой Хубой; это означало бы подчинить себя местным городским и храмовым властям (И. М. Дьяконов, «К вопросу о символе Халди», Древний Восток, IV, Ереван, 1983 г., стр. 191).

Но если все население Ванской державы было хурритским и поклонялось бы своему главному богу Тейшебе, чей ном был в городе Кумме(ну), то зачем бояться царям – хурри-урартам быть подчиненными местным городским и храмовым властям. Такого подчинения и не могло быть, потому что они сами лидеры того населения, которое поклоняется этому богу, а кто несет официальную службу, а храм или правит в городе, не имело значения. Центр культа бога Халди Ардини-Мусасир был в таких же условиях. Значит, дело не только в этом. Бог Халди отодвинул на задний план первого и верховного бога хурри-урартов из-за каких-то объективных исторических процессов, имеющих место в то время, и в первую очередь из-за того, что большинство населения еще до создания Ванской державы уже поклонялось Халди. Цари государств богов не придумывали, все, что они могли сделать – это вывести вперед бога своего племени и отодвинуть назад богов побежденных племен. Как пишет Дж. Г. Маккуин, «когда сообщества объединялись, одна группа божеств не заменяла другую» («Хетты и их современники в Малой Азии», Москва, 1983, стр. 120). Теперь возникает вопрос, почему ном и главный дом (храм) верховного бога Ванской державы Халди оказался за пределами границ империи. Как явствует из письменных источников, город Ардини (Муцацир) был в полузависимом состоянии от Ванской державы и от Ассирии и имел своего правителя, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Что заставило господствующую верхушку Ванского государства иметь такую неустойчивую родину для своего верховного бога, ведь потеря бога психологически была равносильна смерти державы? Все эти вопросы ждут ответа. «Остается еще непонятной постоянная обособленность Мусасира от урартского центра Тушпы, самостоятельные царские династии, в каждом городе, а также

некоторое различие в языке и религии и постоянная борьба за Мусасир между урартами и ассирийцами, помимо этого неясно, в какой связи находится упоминание «бога города Ардини» и верховного божества урартов – Халди» (Б. Б. Пиотровский, «Ванское царство», Москва, 1959, стр. 50).

В период создания государств невозможно насильственно навязать богов населению, проживающему на этой территории, обычно ими оказываются местные боги, один из которых берет верховенство. Насильственно навязывают богов уже в период захватов, агрессий, т. е. в период империи. То же самое было и с Ванским царством. Верховный бог Халди имел местные корни и поклонялись ему не хурри-урартские племена, главным богом которых был Тешшоб. Затем возникает другой вопрос. Если вся территория Ванской державы была заселена хурри-урартскими племенами, а Халди был главным хурри-урартским богом, почему же ванским царям приходилось насаждать этот культ во время создания империи, ведь Г. А. Меликишвили считает, что, если данная территория входила в состав государства Урарту, значит на ней проживали урартские племена.

«Ни одна из древних империй, за исключением Урарту, не насаждала культа своего государственного божества на покоренных территориях... (они везде) учреждали культ Халди» (И. М. Дьяконов, «К вопросу о символе Халди», Древний Восток, IV, Ереван, 1983, стр. 190). Ведь если Халди был бы исконно хурри-урартским богом, как Тешшоб, а территорию Ванской державы населяли бы хурри-урарты, то незачем было бы и насаждать этот культ. Он был бы им родным, как Тешшоб.

На то, что бог Халди был местным богом указывает и Б. Б. Пиотровский, ошибочно считая его местным урартским: «для Тейшебы (бог бури и войны), тесно связанного с малоазийским богом Тешубом, так же, как и для Шивини (бог солнца), в урартском письме использованы ассирийские идеограммы богов Адада и Шамаша, в то время как имя Халди всегда выписывается фонетически. Из этого факта можно заключить, что бог Халди был местным, исконным урартским богом, по всей вероятности, богом одного из племен,

вошедших в Урартское государство. Очень вероятно, что он приобрел свое исключительное значение еще до введения в Ванском царстве ассирийской письменности. С этим исконным урартским богом были связаны Тейшеба, малоазийский (хуррито-хеттский) бог, и Шивини, воспринявший символы месопотамской (ассиро-вавилонской) области. Таким образом, эти три бога в некоторой мере отражают три культурно-этнических элемента в религии Ванского царства. Следует отметить, что бог Халди почитался также и в пограничных районах Ассирии». (Ванское царство, Москва, 1959, стр. 220. 221).

Но вместе с гибелью Ванской державы не исчезает с Армянского нагорья культ Халди, так как он не был исконно хурритским богом. «В древности в Армении бытовал миф о сотворении мира и всех существ, по которому миротворителями являлись первоначальные божества – Море, Небо и Земля. Эти божества нашли отражение в песне о Вахагне... в религиозных представлениях древних жителей Армянского нагорья. Халди являлся потомком первоначального божества – Праматери (Моря). После возникновения Ванского царства Халди, который первоначально являлся богом Солнца, Войны и богом – Предводителем, стал почитаться и как бог – Создатель» (Зохраб Мугдусян. Вестник общественных наук, № 7, «К вопросу об армянском божестве Проматерь и о Халди», 1985, стр. 71). «Культ Халди, хотя и был тесно связан с урартской государственностью, но после падения Урарту не исчез, а, подобно многим другим древневосточным божествам, подвергся синкретизации; «Дверь Халди»... в сознании арменизированных потомков урартов стал «Дверью Митры», Мхери-дур. Это, бесспорно, означает (хотя раньше не было замечено), что в условиях ахеменидского владычества или несколько позже Халди был отождествлен с Митрой, и что подобно тому, как в дожившей до XX в. армянской легенде Мхер (Митра) выходит через скальную «дверь из горы, именно из Мхери-дур, ранее через нее выходил Халди» (И. М. Дьяконов, «К вопросу о символе Халди», Древний Восток, IV, Ереван, 1933, стр. 191).

Оттого, что в те или иные периоды местные боги отождествлялись с богами господствующих классов или племен, они не переставали быть местными, своими. Имя божества «могло переноситься, в ходе синкретических процессов... с одного божества на другое (там же, стр. 192).

Из всего вышеизложенного вытекает, что на сегодняшний день наука не располагает данными о существовании урартской этнической общности, об урартах или урартийцах.

### **Язык ванских надписей**

Какими данными располагает наука относительно ванских надписей? В основном, это царские монументальные надписи на скалах, на строительных камнях, в нишах, на стелах, надписи на металлических и иных предметах, а также надписи на глиняных табличках и предметах хозяйственного назначения. Пока что науке известно около пятисот надписей (считая и надписи в одно слово), которые писались примерно в течение более двухсот лет и известный словарный фонд которых составляет около трехсот слов. (Список у Г. А. Меликишвили «Урартский язык», Москва, 1964). Действительно ли язык, словарный фонд которого составляет около трехсот слов, мог быть разговорным? Можно ответить лишь, что наука на данном этапе не располагает фактическими данными для такого вывода, к тому же этот язык недостаточно изучен, мы не знаем, как он звучит, а главное, у науки нет для этого комплексных данных.

Ученые высказывают различные мнения по этому вопросу.

«С теорией миграции урартов из западной части Малой Азии связана также попытка причислить к эгейским языкам, кроме лидийского, ликийского, карийского и этрусского, также и более далекий от них урартийский» (Б. Б. Пиотровский, «Ванское царство (Урарту)», Москва, 1959, стр. 48).

Леман-Гаупт считал, что пришлые из Малой Азии халды индоевропейского происхождения захватили господство над аборигенами Армянского нагорья, т. е. язык халдов – индоевропейский.

«И у самих халдов мы встречаем – судя по индоевропейскому характеру их царских имен – такую совокупность индоевропейского и... малоазийского» (К. Ф. Леман-Гаупт. Вступительная лекция, «Труды Тбилисского государственного университета». VI, 1938, стр. 261).

Бренденштейн считал, что язык Ванской державы имеет много общего с лидийским.

Б. Б. Пиотровский пишет, что «в трудах о языках древнего Востока вполне обоснованно устанавливалась лексическая связь урартского языка с хеттским, а также с другими языками Передней Азии, особенно с кавказскими» («Ванское царство (Урарту)», Москва, 1959, стр. 49).

В последнее время ученые склоняются к тому, что язык ванских надписей относится к хурритской группе языков, но «нельзя считать..., что хурритский и урартский являются диалектами одного языка, скорее они являются лишь близко родственными между собой языками» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 105).

Что означает термин Хурри? «Согласно Богазкейским источникам было много Хурри-стран... Термин – Хурри здесь выступает обозначением как бы самого населения разных Хурри-стран и его языка. Происхождение названий «Митанни» и «Хурри» не совсем ясно (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», 1954, стр. 94, Тбилиси). Царь Митаннийской державы Тушрата, в хуритском тексте письма называет свою страну термином *huriohe*, а в аккадском – *Mitani*, Г. А. Меликишвили считает, что «источники проводят различие между страной Митанни и страной Хурри... (там же, стр. 95).

«В хеттских текстах определенно говорится о «странах Хурри» (*Hurvi*), которые, по-видимому, представляли союз племен, группировавшихся вокруг страны Хурри (прежнее чтение Харри), находившейся, по мнению некоторых ученых, в районе озера Ван... Те же ученые полагают, что ассирийцы называли

страны Хурри «странами Наири» (Б. Б. Пиотровский, «Ванское царство», Москва, 1959, стр. 49).

В хеттском тексте Хаттусили страна Хурри в аккадском называется Ханигальбат.

Г. М. Аветисян считает, что «приведенные факты свидетельствуют об идентичности терминов «Митанни», «Ханнигальбат» и «Хурри», хотя последний термин имеет и более широкое значение» («Хурриты на рубежах Малой Азии до установления могущества Митанни», Древний Восток, 3, Ереван, 1978, стр. 10).

На данном этапе развития науки термин хурри используется «обозначением как-бы самого населения разных Хурри-стран и его языка», т. е. в сущности речь идет об обозначении языка, но не этнической общности и даже не страны, которую локализовать пока невозможно, но, чтобы доказать принадлежность того или иного народа к определенной этнической группе, необходимо ответить на три вопроса: 1) общность антропологического типа; 2) общность языка; 3) общность культуры.

Г. А. Меликишвили считает, что язык ванских надписей был единый разговорный язык единого этнического состава населения Ванской державы, т. е. это язык урартских племен, урартийцев, которые объединились, создав Урартское государство, и все в этой державе говорили и писали на урартийском языке. «Урартский язык – язык населения Урарту – одного из могущественных государств Ближнего Востока в IX–VI вв. до н. э. Говорившее на урартском языке население было широко распространено во второй половине II и первой половине I тысячелетия до н. э.» (Г. А. Меликишвили, «Урартский язык», Москва, 1964, стр. 7) Кроме этого, Г. А. Меликишвили нашел, что «в это время в Мусасире, хотя и говорили на урартском языке, но мусасирский говор урартского языка, как выясняется, отличался от урартского говора центральных областей Урарту... характерное, как нам кажется, для мусасирского говора явление, по-видимому, обнаруживается в мусасирском имени «Урзана» (Urzana), которое, по всей

вероятности, то же самое имя, которое у урартийцев из центральной части страны звучало в форме «Руса» (Rusa). В ассирийских надписях это имя (Rusa) передается обыкновенно в форме «Ursa», что прокладывает мост между именами «Rusa» и «Urzana», указывает, что данное урартское имя у мусасирцев имело форму Urzana. И данное соответствие урартского имени «Rusa» мусасирскому «Urzana» указывает, что различие между мусасирским говором и говором центральной части Урарту было, очевидно, довольно чувствительным...» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 164). И после слов и оборотов: «Как нам кажется», «по-видимому», «по всей вероятности», «очевидно» Г. А. Меликишвили делает заключение: Таким образом выясняется..., т. е. все его предположения почему то превращаются в доказательства. Читаем: «Таким образом выясняется, что население Мусасира в эпоху существования Урартского царства (IX–VI вв. до н. э.) сильно отличалось от населения Биаинили – центральной части Урарту. Было отличие и в языке, и в культуре, и в религии, и в этническом составе населения (там же, стр. 164). Но Л. А. Липин в рецензии на названную книгу Г. А. Меликишвили высказывает иное мнение: «Как уже говорилось, автор (Г. А. Меликишвили, В. Х.) часто злоупотребляет различными гипотезами, на основе которых он в дальнейшем строит свои выводы, ссылаясь на них, как на твердо установленные факты» (Г. А. Меликишвили, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, Советское востоковедение, № 3, 1956, АН СССР, стр. 156).

«Столь же сомнительны тождественность имен Русы и Урзаны, на чем настаивает автор в данной главе... нельзя согласиться с мнением Г. А. Меликишвили, что имя Руса в мусасирском говоре звучало как Урзана. Имя Русы передавалось как Урса лишь в ассирийских текстах, так же как имя Сардури по-ассирийски передавалось как Иштардури...

Ассирийцы явно различали эти имена. Имя урартского царя времен Саргона II у них звучало как Урса, а имя мусасирского правителя – Урзана. Саргон II один раз ставит даже оба эти имени рядом. В его реляции к богу Ашшуру говорится:

«С высокими силами Ашшура, моего владыки, ...из области Сумби, ...я вступил в Урарту, ...Многочисленные войска Русы (Урсы) урартского и Метатти зикиртийского я поверг в полевом бою. 430 поселений семи областей Русы (Урсы) урартского я целиком покорил и опустошил его страну. У Урзаны мусасирского я захватил Халда, его бога, Багмашту, его богиню...»

Как видно из приведенного отрывка, Саргон II различает как двух правителей – урартского и мусасирского, так и два имени: Урса (Руса) и Урзана. Ясно, что Саргон II хорошо зная имена царей и правителей, против которых он воевал» (Г. А. Меликишвили, «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья», Советское востоковедение, № 3, 1956, АН СССР, стр. 154–155).

Марио Сальвини считает, «что в историческое время официальным языком этого мелкого политического образования (Мусасира – В. Х.) был именно ассирийский язык, поскольку правитель Урцана в последней четверти VIII в. оставил нам печать с надписью на ассирийском языке» («Распространение влияния государства Урарту на востоке», Древний Восток, 4, Ереван, 1983, стр. 224).

Что касается хурритского языка, то Г. А Меликишвили считает, что «все хурриты говорили на одном общем хурритском языке, не наблюдается различие даже диалектного характера» («Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 37).

Есть и другое мнение, что «изучение хурритских текстов из различных архивов позволило предположить, что «они отражают не единый литературный язык, а пучок диалектов» (Дж. Г. Маккуин, «Хетты и их современники в Малой Азии», Москва, 1983, стр. 156).

«Памятники на хурритском языке немногочисленны, но они происходят из самых различных районов Передней Азии (Вавилонии, Митанни, Угарита, Хеттского царства) и довольно разнообразны по характеру... Неудивительно, поэтому, что хурритские тексты обнаруживают много, часто довольно значительных диалектных, хронологических и жанровых различий» (М. Л.

Хачикян, «Из старохурритских заклинаний», Древний Восток, 2, Ереван, 1976, стр. 251).

Данные о хурритском и индоевропейских языках можно встретить на одних и тех же обширных территориях от предгорий Ирана и до Палестины, о чем И. М. Дьяконов в «Предыстории армянского народа», пишет, что – «ареал подобных (индоевропейских) имен совпадает с ареалом распространения хурритского языка... и принадлежит к арийской (индо-иранской) ветви индоевропейских языков (между прочим, и именами царей хурритского государства Митанни)» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 29).

Б. Б. Пиотровский считает, что «ни урарты, ни ассирийцы в своих государствах не представляли большинства населения, и их собственная культура и язык имели лишь официальный государственный характер» («О происхождении армянского народа», Ереван, 1945, стр. 7). Официальный государственный язык ванских надписей вряд ли понимали или умели читать кроме обученных профессиональных писцов и жрецов, как это было и в других древневосточных державах. Древневосточные державы были в основном разноплеменные, например, в Вавилонии в VI в. до н. э. наряду с местным населением жили халды, арамеи, киликийцы, лидийцы, фригийцы, карийцы, иудеи, западные семиты и т. д.

«В Нишпуре и его окрестностях в V в. до н. э. были военные колонии из фригийцев, лидийцев, карийцев, армян, арабов, финикийцев и т. д. Представители этих же и других народов жили в Вавилоне» (М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин, «Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 294). Все эти народности не могли знать официального государственного языка. Его не знали не только представители низов, но и привилегированного класса, о чем пишут М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин: «...мало кто умел их читать кроме профессиональных писцов» («Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 25). К тому же даже «древнеперсидский язык не был языком государственной канцелярии, и персидская клинопись, вероятно,

была известна лишь очень узкому кругу писцов... То, что даже в самой Персии древнеперсидский не был языком управления, наводит на мысль, что персидская клинопись была изобретена сравнительно поздно и, по всей вероятности, создана искусственно, а не возникла исторически» (там же, стр. 270).

Что касается разговорного языка, или языка общения между народностями, то он развивался независимо от официального государственно-административного языка или языка господствующей верхушки, или династии. Например, в Ассирийской державе «ассирийский диалект аккадского был вытеснен здесь (в Ашшуре) арамейским языком уже в VIII–VII вв., бывшим, по-видимому, основным языком сельского населения Ассирии» (И. М. Дьяконов, «История Мидии», М.-Л., 1956, стр. 312). При Ахеменидах арамейский язык стал разговорным языком общения большинства населения Ассирии и постепенно вытеснил в повседневной жизни аккадский, т. е. в Ассирии в эту эпоху основная масса населения говорила не по-ассирийски.

А. Мейе и Ф. К. Андреас и некоторые другие ученые считали, что «язык ахеменидских надписей был языком персидской знати, окружавшей царя, и отличался от обычного в Персии разговорного языка» (М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин, «Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 268).

«Персидская клинопись являлась монументальной письменностью, применявшейся в основном для царских торжественных надписей, а в государственной канцелярии персы довольствовались чужеземными (прежде всего арамейскими и эламскими) писцами» (там же, стр. 24). Также было и в глубокой древности, например, известно, что «надписи, составленные от имени царей Лулуби, ...все ...не на местном, лулубийском, а на вавилонском языке» (Г. А. Меликишвили, «Наири – Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 125). Надпись лулубийского царя Анубанини эпохи Нарамсина (XXIII в. до н. э.) написана на аккадском языке. «Анубанини пишет заимствованной у вавилонян клинописью, пишет на аккадском (вавилонском) языке,

поклоняется богам Вавилонского пантеона и т. д.» (там же, стр. 129). Также «таблички с клинописью из Керкука... составлены на аккадском (ассиро-вавилонском языке) вавилонской же клинописью, но по именам жителей города Нузи, которые тысячами засвидетельствованы в этих текстах, трудно сомневаться, что здешнее население являлось хурритским» (там же, стр. 96).

Но если хурритское население пользовалось языком семитов, почему же в таком случае нехурритское население Ванской державы не могло пользоваться в надписях хурритским языком? Ванская держава была такой же древневосточной державой, как Вавилония, Ассирия, Персия и т. д.

Для общения друг с другом, как и в Ассирийской державе, создавался язык общения на уровне народных контактов и не обязательно, чтобы ареал языка общения между народностями совпадал с границами государств. Язык общения распространялся на основании потребностей (обмен, торговля и т. д.). Поэтому язык государственной канцелярии, царские монументальные надписи, язык административно-хозяйственной отчетности мог и не совпадать как с ареалом языка общения, так и с самим этим языком. Многие древневосточные государства применяли удобную для государственных дел иноязычную письменность, что отмечают М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин в книге «Культура и экономика древнего Ирана»: «Иноязычная письменность имела место в древности во многих странах Ближнего Востока» (Москва, 1980, стр. 264). Так же в Иране древнеперсидский язык не был языком государственной канцелярии, «при Кире II государственные канцелярии в западной части Ахеменидской державы пользовались арамейским языком, а позднее... этот язык стал официальным и в восточных сатрапиях и применялся для общения между государственными канцеляриями всего государства» (там же, стр. 124).

Даже цари древневосточных держав могли быть неграмотными и не уметь читать; например, есть предположение, что таким был Дарий I. «Он, (Дарий) подобно большинству древневосточных царей, очевидно, не умел читать, как это видно из его же слов, что после завершения надписи она была прочтена

ему» (там же, стр. 271). Официальная письменность касалась только членов государственного аппарата, народ не понимал их, а монументальные надписи воспринимал, видимо, как святыню. Или же они действительно создавались как святыни (наверное, так создавалась Мхери-дур). До сих пор в армянской народной среде, даже в той, где не умеют читать, «Книгу скорбных песнопений» Нарекаци воспринимают не как литературное произведение, а как святыню, именуя ее «Нарек» и веря, что она имеет чародейственную силу, способную помочь, осчастливить, исцелить от болезней и т. д. В армянской народной среде такое отношение было до последнего времени почти к любой рукописи.

Доказательством того, что язык ванских надписей не был разговорным языком, а был лишь языком официальной государственной канцелярии Ванской державы, служат и хеттские знаки на карасах из дворцовых складов Алтынтепе. Почему после захвата Алтынтепе пришлось вести хозяйственный учет при помощи хеттских знаков? Если воины были урарты, которые говорили на урартском языке, то после захвата города, хоть один из них знал бы письмо своего разговорного языка и обучил бы хранителей склада выписывать для учета письмена на карасах «урартским письмом». Ведь войско состояло не только из рядовых воинов, но и из элиты, войска выставляли областеначальники, которые и командовали ими в походах. Если так называемый «урартский язык» был разговорным языком так называемых урартов, то областеначальники и другие представители элиты должны были знать его. Но этого не произошло, так как войско не говорило на «урартском языке», а профессионального писца, обученного официальному языку государственной канцелярии, в войске не было. Но как пишет И. М. Дьяконов, «очевидно, имелась необходимость продолжать (или начать) ведение учета продуктов на дворцовых складах Алтынтепе после перехода города в руки урартов, а писцов, знающих урартскую грамоту, будь то иероглифическую или клинописную, налицо пока не было; какой-то «хеттский» местный грамотей обучил хранителей склада выписывать нужные хеттские знаки на карасах и

других сосудах, что те и делали впредь до установления здесь официальных урартских канцелярий». («Замечания к урартским иероглифическим надписям из Алтынтепе», Древний Восток, 3, Ереван, 1978, стр. 150).

В данном случае получается, что письмо ванских надписей – это письмо официальных государственных канцелярий, так как пользовались хеттскими знаками «впредь до установления здесь официальных канцелярий». Б. Б. Пиотровский пишет, что «в Урарту иероглифическое письмо имело ограниченное распространение и не вышло за пределы узкохозяйственных и культовых нужд... вследствие этого в IX в. урарты ввели у себя систему клинописи, заимствованную у ассирийцев» («Ванское царство», Москва, 1959, стр. 29), потому что иероглифическое письмо не в состоянии было обслуживать расширяющуюся систему административно-хозяйственной деятельности страны и возникла необходимость в новом официальном государственном языке, но речь идет не о языке общения или разговорном языке населения Ванской державы.

Почему именно этот язык стал языком ванской канцелярии – неизвестно, однако И. М. Дьяконов предполагает, что на хурритском и лувийском языках говорил местный господствующий класс, как сейчас мы говорим на русском. «Важную роль в усилении значения протоармянского языка – в ущерб хурритскому и лувийскому, на которых, видимо, говорил местный господствующий класс...» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 234).

Что касается наличия хурритского влияния в Ванской державе, то иллюстрацией тому служат клинописные тексты государственной канцелярии Ванской державы. Относительно же хурритского элемента наука на сегодняшний день не располагает никакими фактами, которые пролили бы свет на данный вопрос. И. М. Дьяконов считает, что служившие в наемных войсках чужеземцы, имея в своем распоряжении воинскую силу, нередко захватывали власть, ...«с созданием ими собственной династии, этнически чуждой местному населению... Вероятно так же возникли и первые

хурритские династии в Верхней Месопотамии..., а позднее – индо-иранская династия в хурритском государстве Митанни. Это явление, как правило, может быть прослежено лишь по письменным источникам, в археологических оно не оставляет практически никаких следов, в языковых – минимальные» («Типы этнических передвижений в ранней древности», Древний Восток, 4, Ереван. 1983, стр. 10).

Леман-Гаупт, Хюзинг и другие утверждали, что в Ванской державе правил индоевропейский господствующий слой. Г. А. Меликишвили и другие считают, что после Араме, царя середины IX в., пришла к власти хурритская династия в лице Сардури, сына Лутипри. Кречмер и Холл считали династию Сардури I фригийского происхождения, но все эти предположения еще ждут своих доказательств. Н. В. Арутюнян пишет, что «нам также неизвестно, был ли Лутипри сыном Араме, или же он является представителем другой династии («Биайнили» (Урарту), Ереван, 1970, стр. 120).

Если хурриты были, то после гибели этого государства на его территории оказалось бы хурриязычное население, а не индоевропейское.

Надписи Ванской державы говорят лишь о том, что этим языком пользовались для административно-хозяйственных нужд, как это наблюдалось и в некоторых других древневосточных государствах.

И. М. Дьяконов о разговорном языке Ванской державы пишет, что «здесь, когда настала пора разноязычным племенам стать одним народом, объединяющим языком этого народа, вполне естественно, стал именно и только протоармянский... При слиянии разноязычных племен общим языком становился не язык завоевателей, а язык более широко распространенный... в Ассирийской державе – арамейский, на востоке Римской империи – греческий; в Урарту – протоармянский». («К проистории армянского языка», ИФЖ. 4, 1983, Ереван, стр. 170).

«Древние державы никогда не навязывали своего языка поданным; довольствуясь сбором дани и повинностным трудом..., они даже были заинтересованы в многоязычии, не позволявшем покоренным сговориться

между собой. Народ же, чувствуя потребность во взаимопонимании, вырабатывал общий для всех язык... (при возможном сохранении местных языков и диалектов только в домашнем обиходе). Так, для Хеттской державы общенародным языком был, вероятно, не хеттский-неситский, а лувийский, который и пережил ее падение» (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 232). А падение Ванской державы пережил армянский язык, ведь не случайно после падения Ванской державы большая часть Армянского нагорья оказалась армяноязычной. В Ассирийской державе также создался единый язык, но это был не ассирийский диалект аккадского, а арамейский язык, «ставший обычным разговорным языком в Месопотамии» (там же, стр. 233), так же как в Ванской державе оказался не язык ванских надписей, а армянский. Как отмечает И. М. Дьяконов, «распространению протоармянского языка чрезвычайно содействовали сами урарты своей политикой переселения захваченных жителей. Так, мы знаем, что когда урартский царь Аргишти I в 782 г. до н. э. построил крепость Эребуни на месте современного Еревана, он заселил ее людьми, высланными из Цупы (Цоп'к' Софена) и Хате (Мелитеа-Мелид-Малатя), то есть как раз из верхнеевфратской долины с ее смешанным протоармянско-лувийско-хурритским населением, которое в то время несомненно уже пользовалось протоармянским как вторым, а может быть и как единственным языком» (там же, стр. 233). Но «для того, чтобы в условиях переселений именно армянский язык (а не какой-либо другой) мог играть роль языка взаимопонимания, необходимо было, чтобы он уже раньше стал таковым на стыке этносов. Таким стыком во II – начале I тыс. до н. э. была верхнеевфратская долина» (И. М. Дьяконов, «Типы этнических передвижений в ранней древности». Древний Восток, 4, Ереван, 1983, стр. 8). Армянский язык, а не какой-либо другой, мог стать языком взаимопонимания в Ванской державе, а может частично и за ее пределами, лишь в том случае, если армянский этнос по сравнению с другими был бы наиболее значительным, преобладающим, влиятельным в определенных социально-экономических отношениях.

Армянский язык образовался намного ранее XII в. до н. э., так как, по данным А. С. Гарибяна, он отделился от индоевропейского праязыка без посредствующих звеньев, непосредственно, «..первая группа армянских диалектов имеет звуковую систему взрывных согласных, почти совпадающую с той же системой индоевропейского праязыка. А это означает, что звуковая система этой группы стоит намного ближе к индоевропейскому исходному состоянию, чем система древнеармянского языка.» К этой группе диалектов относятся следующие армянские диалекты: арабкирский, акнийсий, севастийский, шапинкараисарский, кесарийский, хемшинский. Все эти диалекты расположены в области исторической Малой Армении. Из истории известно, что в этой области жили армяне, начиная с XIII–XIV веков до н. э.» (А. С. Гарибян, «Индоевропейский консонантизм в отражении армянских диалектов», Известия АН Арм. ССР, 2, 1956, стр. 18).

Об армянском языке такого же мнения и И. М. Дзяконов, который пишет, что «анатолийский и древнеармянский нельзя возвести к некоему общему языку-основе анатолийской ветви, но только к праязыку, общему для всех вообще индоевропейских языков... Основной фонд в древнеармянском имена...; глаголы...; все основные числительные, местоимения и т. п. восходят к праиндоевропейскому языку-основе, минуя анатолийское, иранское, греческое или славянское посредство, что видно из их звукового оформления, противоречащего фонетическим законам этих языковых ветвей... В основной фонд древнеармянского словаря «входят слова, выражающие общечеловеческие понятия, которые должны были иметь обозначения уже в самом древнем языке, так как ни один язык без них не может обойтись, эти слова выражают понятия, известные человеку настолько давно, что заимствовать их обозначения извне почти никогда не было оснований» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 202).

Т. В. Гамкрелидзе и А. В. Иванов приходят к выводу, что «единый индоевропейский праязык существовал раньше, чем в IV тысячелетии до новой эры» и что «прародиной индоевропейцев может быть только западная

Азия (Малая Азия, Северная Месопотамия)... индоевропейцы могли жить где-то между Закавказьем, Сирией и Месопотамией... Предполагается, что ближе всего к прародине остались племена, говорившие на анатолийских языках (хеттском, лувийском, палайском), а также на армянском языке на территории исторической Армении» (С. Орлова, «Знание—сила», 2, 1986, стр. 27, 28).

«Сейчас стало ясным, что ученым надо изучать армянский язык на всем протяжении его истории от индоевропейской общности, датируемой V–IV тысячелетиями до н. э. до V века н. э., т. е. историю языка примерно за пять тысяч лет» («Язык и история», Литературная Армения, 1982, № 11, стр. 110).

Г. Клычков считает, что для армянского языка характерно наибольшее среди индоевропейских приближение к праиндоевропейской глубинной модели..., т. е. к тому хронологическому уровню, который обычно относится ко времени не позднее V тысячелетия до н. э. (Г. Клычков, «Модель глоттогенеза армян», БОНА, 1980, № 8, стр. 87–99).

Посмотрим, как ученые характеризуют клинописное письмо Ванской державы. Г. А. Меликишвили, сравнивая клинопись Ванской державы с ассирийской, приходит к выводу, что ассирийская клинопись служила образцом для ванской клинописи, которая в течение столетий использовала одни и те же одинаковые и трафаретные слова и выражения. Он пишет, например, что в победных надписях «одинаковой остается также сама фразеология, выражающая эту идею – одни и те же выражения фигурируют здесь в продолжение всего периода существования урартской письменности. Начало урартских победных надписей фактически кроме таких трафаретных выражений ничего другого не содержит» (Г. А. Меликишвили, «Наири–Урарту», Тбилиси, 1954, стр. 376), ...«можно сказать, что вышеотмеченные победные надписи фактически лишены своего специфического начала. Началом здесь служит вообще весьма распространенная в урартских текстах трафаретная формула...» (там же, стр. 377).

«Таким образом, бесспорно, что стиль ассирийских царских надписей оказал огромное влияние на формирование стиля урартских надписей, причем

основной поток ассирийского влияния относится уже к эпохе возникновения письменности на урартском языке... в урартских надписях трафарет имеет более всеобъемлющий характер... Конструкция урартских надписей также заимствована от ассирийских надписей... Трафаретная фразеология урартских надписей часто является механическим заимствованием соответствующих выражений ассирийских надписей» (там же, стр. 395).

О том же самом Г. А. Меликишвили пишет в книге «Урартские клинообразные надписи» (Москва, 1960). «...Эти же моменты переданы в урартских текстах при изложении событий царских походов. Различие все же заметно: в то время как в урартском для передачи каждого события имеется всего один или несколько простых трафаретных выражений, в ассирийском – несравненно более богатое, многообразное, содержащее указание на многие детали описание. Такое же сходство наблюдается и в описании строительной деятельности царей. Только в ассирийском обычно дается более многообразное, пространное повествование...», «в урартских надписях трафарет имеет... более всеобъемлющий характер. Круг трафаретных формул более узок, трафаретная фразеология занимает здесь намного большую, чем в ассирийских надписях, часть надписи и т. д. Конструкция урартских надписей также заимствована из ассирийских надписей – строго разграничены начало, центральная часть и окончание надписи... Трафаретная фразеология урартских надписей часто является механическим заимствованием соответствующих выражений ассирийских надписей. Например, царская титулатура и формула проклятья: ...урартская формула проклятья составлена по ассирийскому шаблону, и именно вследствие этого, как известно, она и легла в основу дешифровки урартских надписей» (там же, стр. 109). Трафаретные выражения, употребляемые при описании военных действий или строительной деятельности урартских царей, также часто прямые переводы ассирийских выражений» (там же, стр. 112–113).

Возникает вопрос, мог ли язык, который в течение нескольких веков употреблял в своих надписях одни и те же выражения (а весь арсенал этого

языка состоял из нескольких повторяющихся трафаретных выражений и формул), быть разговорным? Вряд ли.

Что касается стиля ассирийских надписей, то Г. А. Меликишвили считает, что он заимствован у хеттов, но через хурритов.

По мнению Л. А. Липина, «неверно утверждение Г. А. Меликишвили, что стиль ассирийских анналов заимствован ассирийцами у хеттов через хурритов... Ассирийские надписи, как известно, появились тогда, когда хеттских анналов еще не было, как не было и хеттского государства. Поэтому, несомненно, что появление клинообразного письма у хеттов было результатом влияния ассирийских колонистов в Малой Азии (при Саргоне Аккадском и позднее). Сведения о хурритском языке, которыми располагает наука в настоящее время, не подтверждает предположения Г. А. Меликишвили о посредничестве хурритов. Высказав утверждение, «что стиль ассирийских царских надписей оказал огромное влияние на формирование стиля урартских надписей», автор решил на этом основании, что «основной поток ассирийского влияния относится к эпохе возникновения письменности на урартском языке». В действительности урартийцы заимствовали стиль ассирийских надписей вместе с письмом. При составлении первых урартских царских надписей, как это хорошо известно, применялось не только ассирийское клинообразное письмо, но использовался и ассирийский язык, вместе с которым появился и ассирийский стиль» (Л. А. Липин, «Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, Советское востоковедение, № 3, 1965, АН СССР», стр. 156).

И. М. Дьяконов считает, что на Армянском нагорье пользовались клинописью задолго до образования Ванской державы, так как классовое общество и цивилизация на Армянском нагорье возникли намного раньше.

«Последние археологические исследования в районе озера Ван и Урмии показывают, что эти области в III тысячелетии до н. э. входили в круг обширной культуры, охватывающей центральное Закавказье и восточную Анатолию» (И. М. Дьяконов, «Урартские письма и документы», М.-Л., 1963,

стр. 10). «Прототипом урартского письма может быть, таким образом, только хеттское или хурритское письмо II тысячелетия. В «Предыстории армянского народа» И. М. Дьяконов отмечает, что «с созданием Древнехеттского царства, хеттские канцелярии восприняли другой вариант аккадской клинописи... применявшейся также хурритами» (стр. 57), т. е. хурриты, так же как и хетты, использовали письмо, созданное в Месопотамии. Далее в книге «Урартские письма и документы» И. М. Дьяконов отмечает, что «...прототипом урартской скорописи представляется нам письмо, близкое к поздним хурритским, поздним среднеассирийским и ранним новоассирийским почеркам... Значительно ближе к урартской скорописи митаннийские формы... Все это показывает, что в Урарту существовала прямая письменная традиция, восходящая в конечном счете к канцелярии Митанни и Хеттского царства XVI–XIII вв. до н. э. В свете этого кажется сомнительным, чтобы цивилизация и классовое общество возникли в Урарту лишь в X–IX вв. до н. э., как полагали до сих пор, следует вспомнить, что многие части Армянского нагорья достаточно прочно входили в состав двух упомянутых выше государств с их классовым обществом» (М.-Л., 1963, стр. 20). И. М. Дьяконов высказывает это мнение, основываясь на изучении не царских монументальных надписей, а скорописей на глиняных табличках, т. е. текстов хозяйственной отчетности и им подобных. «Сравнения формуляров урартских писем с другими древневосточными памятниками этого рода показывают, что они существенно отличаются от ассирийских и стоят ближе всего к прототипам хетто-хурритского круга II тысячелетия до н. э.» (там же, стр. 10). Урартское письмо принадлежит к аккадской системе клинописи, в ней, как и в хеттской клинописи «наряду с шумерскими применяются и аккадские гетерографические написание» (там же, стр.21).

Исходя из всего вышеизложенного, И. М. Дьяконов приходит к выводу, что «...особенности урартской писцовой практики недвусмысленно указывают на существование непрерывной письменной традиции от Митанни и Хеттской державы до Ванского царства, что заставляет пересмотреть вопрос о времени

возникновения классового общества и цивилизации на Армянском нагорье» (там же, стр. 25).

Итак, на данном этапе развития науки многое остается неясным для ученых: клинописное письмо, созданное в Месопотамии в течение тысячелетий, переходило от одного политического объединения к другому, обслуживая его административно-хозяйственный аппарат независимо от того, относились ли эти политические объединения к семитской, индоевропейской или хурритской языковой общности, и, конечно, в какой-то мере приспосабливалось к каждому из них.

В сущности, как предполагает И. М. Дьяконов, письмо ванских надписей заимствованное, а может быть и переработанное для нужд своего государства. Это официально-канцелярское письмо письменных традиций канцелярий Митанни и Хеттского царства.

У нас нет доказательств того, что язык ванских надписей был разговорным языком так называемых урартийцев или населения Ванской державы. Язык ванских надписей был официальным канцелярским языком Ванской державы. Мы не остановились бы на статье Г. А. Тирацяна «Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–Армения», если бы статья не была написана в духе непреложности изложенных в ней «фундаментальных основ», как, например: «Источники при помощи того же термина определяют, но и различают племенное образование (Уруатри, Уратри) от страны и царства (Урарту, Урашту, Арарат, Урарат), а эти от этнической принадлежности (Араму урартиец, Арраму Урартая) или от этнической группы (урартийцы, ураштая, алароды)» (ИФЖ, № 1, 1985, Ереван, стр. 196).

Об этих «фундаментальных положениях» мы уже говорили, а что касается ураштая, то это вавилонское урарт, т. е. житель территории, именуемой Урарту, Урашту, а не этнический термин, как и бабилая и им подобные. Что же касается алароидов по данным Геродота, то никто еще из ученых не привел фактических доказательств, что алароиды – это урарты, а урарты – этническая общность. Все предположения о такой общности основываются лишь на языке

ванских надписей, о чем знает и Г. А. Тирацян, который пишет, что «критериям оценки этнической принадлежности его (государства Урарту – В. Х.) населения, все-таки остается язык» (там же, стр. 19-7). Но одни лишь языковые данные не могут определять этнический состав населения какой-либо страны.

Во-первых, по словам Кеенофонта («Анабазис» 10, 5, 10 и 34), греческие наемники, проходившие по армянским деревням, разговаривали с местным населением (в том числе с женщинами и детьми) через переводчика по-персидски, но это не значит, что здесь жили не армяне, а иранцы. А «все частные письма и острака, оставленные иудеями с Элефантины, написаны на арамейском, среди них нет ни одного еврейского текста...» (М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин, «Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 303).

Во-вторых, ни в какой истории нет упоминания об урартах. Ведь Ванская держава около трехсот лет была в центре внимания древнего мира, как же поручилось, что никто из древних историков не узнал о существовании урартов или урартийцев и не зафиксировал их? Речь идет не о мелких племенах, которые тем не менее упоминаются то у одних, то у других авторов. Не заметить урартов или урартийцев, пожалуй, то же самое, что не знать вавилонян, ассирийцев, персов, греков и т. д. Даже мидийцы, держава которых существовала всего-то около шестидесяти лет, попали в исторические сочинения.

И. М. Дьяконов пишет, что «существование Урарту ему (Мовсесу Хоренаци – В. Х.) осталось неизвестным» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 185). Оно и не могло быть ему известным, так же, как и ни одному историку, потому что жители Ванской державы не были урартами и страну свою не называли Урарту, о чем пишет и Г. А. Тирацян: «Хотя урарты – не самоназвание жителей Армянского нагорья, эти обозначения имеют местные корни и уже более ста лет с успехом применяются в научной литературе» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту ~

Армения», ИФЖ, № 1, Ереван, 1985, стр. 207). Г. А. Тирацян прав, этот термин как обозначение этноса придумали в XX в., а за три тысячи лет до XX века термина в таком смысле не знали, к тому же сами жители Ванской державы его не употребляли. Распространению этого термина способствовало то, что жителей Ванской державы превратили в этническую общность, а в сущности название уарты, уартийцы могло лишь условно обозначать население, жителей, но не этнос.

Историю армянского народа Мовсес Хоренаци не выдумывал, а пользовался письменными или устными источниками, как же получилось, что как в его, так и в истории других авторов есть вавилоняне, ассирийцы, евреи, персы, мидяне, эллины и т. д., а вот ни одного уарта? Потому что их просто нет в истории, их придумали в XX в. Наука любит факты, а фактов об уартах нет. Чтобы доказать, необходимо что-то найти в истории. Так появились алароиды из Геродота, они создают иллюзию правдоподобия существования уартской этнической общности, и алароиды бездоказательно переходят от одного автора к другому, но точных указаний для локализации алародиев у Геродота нет.

Что касается тождественности терминов Урашту-Оралт и алародии, то, на наш взгляд, все эти лингвистические изыскания ничего не дают науке, кроме еще большего запутывания вопроса, так как из одного и того же слова каждый автор производит то, что ему больше подходит для доказательства своей гипотезы, и многие отрицают друг друга. В данном случае И. М. Дьяконов отмечает, что Urastu (вавилонская форма асир. Urartu), вероятно, произносилось Oralt, так как «и», судя по греческим транскрипциям, читалось в позднее время как «о», падежные окончания не произносились, а «г» перед зубными произносилось как «л». Ср. у Геродота «алародии» («Последние годы уартского государства», Вестник древней истории, № 2, 1951, М.-Л., стр. 31). Во-первых, Г. А. Тирацян не заметил, что И. М. Дьяконов пишет вероятно, т. е. предположительно, а во-вторых, даже сходство наименований ничего не

дает науке. Наука оперирует такими терминами, как арамеи, аримы, армении, которые не имеют отношения друг к другу, как и Арам к арамеям и т. д.

У И. М. Дьяконова в книге «История Мидии» написано: «между Араксом и Урмией, а также на ее западном побережье преобладал, вероятно, хуррито-урартский этнос. Античные авторы помещают здесь матиеков, которые, по-видимому, не кто иные, как хурриты; частично, вероятно, в районе Урмии хурриты жили издавна...», И. М. Дьяконов пишет: «преобладал, вероятно, хуррито-урартский этнос», т. е. отмечает, что это лишь предположение, а не научно доказанный факт, далее «матиенов, которые, по-видимому, не кто иные, как хурриты», опять-таки предположение, а не факт. Затем, «вероятно», в районе Урмии хурриты жили издавна, снова И. М. Дьяконов предупреждает – «вероятно», а не факт. Читаем дальше, «население Урартской державы в целом состояло не из одних только урартов, а по крайней мере из четырех этнических элементов, урартов, родственных им хурритов, иберо-грузин и арменов (армян)... Иначе – алародиев, матиенов, саспейров и армениев. Таково население Армянского нагорья по данным Геродота, восходящим, вероятно, к Гекатею (ок. 500 г. до н. э.)... Представляется вероятным, что тот же состав населения был здесь и двумя–тремя столетиями раньше» (М.-Л., 1956, стр. 226). Где указание Геродота о том, что алароиды – это урарты? Это всего лишь предположение или замена алародиев урартами, но предположение или замена – не научные факты, а всего лишь гипотезы, а на гипотезе строить непреложные фундаментальные основы невозможно.

Итак, в истории нет фактов о существовании такой этнической группы, как урарты. Б. Б. Пиотровский пишет: «Когда мы говорим о народах древнего Востока, то «народ», «народность» как основу государства надо понимать условно». («О происхождении армянского народа», Ереван, 1945, стр. 35).

У Г. А. Тирацяна читаем: «Можно считать доказанным, что издревле населяющие Армянское нагорье хурри-урартийцы были предками армян и образовали основу армянского народа, это видно по той картине, которая проявляется при помощи древневосточных надписей, которые доказывают,

что на большей части этого нагорья проживали родственные хурри-урартские племена» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–Армения», ИФЖ, № 1. 1985, Ерезан, стр. 195). Опять-таки за неимением доказательств Г. А. Тирацян ссылается только на надписи. Мало того, считает, что язык этих надписей был разговорным языком населения всей Ванской державы. «Как бы ни называли язык этих надписей, урартский, биайнский или новохурритский, он обязательно обслуживал не только государственно-административную среду, но также разговаривающих на том же языке многочисленные массы людей. Поэтому ясно, что надписи выражают язык господствующего этнического элемента урартского государства урартийцев или биайнийцев» (там же, стр. 199). Может быть, этот язык и был языком господствующей верхушки или династии, но пока у науки нет никаких доказательств. К тому же сам Г. А. Тирацян пишет, что «...понимание надписей затрудняется ещё недостаточной изученностью урартского языка» (Археология СССР, «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии», Москва, 1955, гл. II, «Урарту», Г. А. Тирацян, Г. А. Кошеленко, стр. 24). Если язык еще малоизучен, на каких же фактах строятся доводы о разговорном языке Ванской державы? Нам кажется, довод один – если придумали урартский этнос, то, по Г. А. Тирацяну, должен быть и его разговорный язык, все должно быть уложено в четкую наукообразную схему, а есть ли для этого фактические доказательства неизвестно. В «Предыстории армянского народа» И. М. Дьяконов пишет: «Для жителей западных областей Урартской державы урартский язык был языком официальной письменности, которой они не знали, и господствующей верхушки, которой они были чужды» (Ереван, 1968, стр. 233).

Но и позже, после падения Ванской державы, можно было привести немало примеров использования чужеземного языка для официальных или монументальных надписей, «...по словам Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), подложное письмо, полученное Евменом (конец IV в. до н. э.) якобы от сатрапа Армении Оронта (Ерванда), было написано сирийскими, т. е. арамейскими

буквами... указание на применение «сирийских письмен» может говорить об обычае пользоваться этим алфавитом в соответственной армянской среде конца IV в. до н. э.» (К. В. Тревер, «Очерки по истории культуры древней Армении», 1953, М.-Л., стр. 101).

Но Г. А. Тирацян знает, что армянские цари для своих монументальных надписей, использовали греческий и арамейский языки, и если бы у нас не было других данных об армянском народе, то тогда можно было бы утверждать, что здесь не было армян. Если через тысячу лет ученые раскопают архив Госплана нашей республики, то не найдут в документах этого архива ни одной армянской буквы, так как вся документация ведется на русском языке, видимо тогда тоже, на основе языкового материала, сделают научные выводы, что в Армянской Советской Социалистической Республике не было армян.

От того, что Г. А. Тирацян декларативно объявил, что этот язык «обязательно обслуживал не только государственно-административную среду, но также разговаривающих на том же языке многочисленные массы людей», этот язык не стал в действительности разговорным.

### **Вопрос ассимиляции урартов**

Г. А. Тирацян пишет: «Что касается урартийских алароидов, ...то в IV в. до н. э. во времена образования второго Ервандидского царства, они, давно уже, взяв курс на ассимиляцию, арменизацию, составили органическую часть этого царства» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–Армения», ИФЖ, 1, 1985, Ереван, стр. 200).

Рассмотрим, какие факторы создают условия ассимиляции. Ассимилирующая нация должна быть господствующей, ассимилируемая – подчиненной. Ассимилирующая нация должна быть более многочисленной, иметь более высокую культуру, быть могущественной в государственном масштабе. Ассимилирующая нация должна иметь сильный экономический и военный потенциал и т. д., т. е. быть намного сильнее ассимилируемой.

Что собой представляли так называемые урартийцы и армяне в VI в. до н. э.? Урартийцы имели за своими плечами трехсотлетнюю мощную мировую державу, которая покорила много народов, имели высокоразвитую культуру мирового уровня, опыт государственного устройства и воинской доблести и т. д. и т. п.

Что же собой представляли армяне? По теории Г. А. Тирацяна, армян просто не было, не было такого народа в мире, он должен был только, только зародиться, а если и был (об этом Г. А. Тирацян не говорит, но приходится предполагать), то неизвестно, что он собой представлял и как появился.

Если армяне ассимилировали так называемых урартов, тогда мы должны предположить, что не урартийцы имели за своими плечами трехсотлетнюю мировую державу, а армяне, потому что ассимилирует сильный, а ассимилируется – слабый. Как же армяне могли ассимилировать так называемых урартийцев, когда армян, по теории Г. А. Тирацяна, как консолидированного народа еще и не было. Но дело даже не в этом. Согласно теории, Г.А. Тирацяна, началось самовольное превращение урартийцев в армян, о чем и читаем у него: «...можно считать доказанным, что издревле населяющие Армянское нагорье хурри-урартийцы были предками армян и образовали основу армянского народа. Это видно по той картине, которая проявляется при помощи древневосточных надписей» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–Армения». ИФЖ, 1, 1985, Ереван, стр. 195). Здесь разговор идет о том, что армян еще не было и только после того, как урартийцы самовольно «взяли курс на ассимиляцию», стали появляться армяне, а уже после, добровольно ассимилировавшись, составили основу армянского народа, т. е. речь идет не об ассимиляции, а о превращении урартов в армян. У Г. А. Тирацяна это произошло в VI в. до н. э., а по Б. Б. Пиотровскому – в течение полтысячи лет. Для того, чтобы ассимилировать, необходимо, чтобы ассимилирующий элемент существовал, а у них ассимилирующий элемент появляется попутно с ассимиляцией ассимилируемого и неважно, в какой промежуток времени исчезают урарты и

появляются армяне. Какие исторические процессы могли создать такие условия, неизвестно.

Как же понять эту теорию: издревле на Армянском нагорье жили хурри-урартийцы, как консолидированная урартская нация, издревле имели свой разговорный язык, даже с диалектами, создали свою могучую державу, покорили много стран, создали свою высокую культуру, и не успела эта держава, т. е. государственный строй, погибнуть, как вся многомиллионная урартская нация добровольно взяла курс на ассимиляцию, арменизацию. не оставив о себе никаких следов в истории. Но Г. А. Тирацян забыл вначале «создать» армян, а затем «заставить» так называемых урартийцев-адароидов взять курс на арменизацию. Г. А Тирацян очень упрощенно представляет себе исторические процессы.

Но в жизни так не бывает. Народы ассимилируются с помощью силы в жестоких условиях, под давлением целого ряда факторов административно-политического, культурного, военного характера.

Для того, чтобы ассимилировать урартийцев, армяне должны были быть единой консолидированной нацией, иметь опыт государственности, военно-политическую силу, более высокоразвитую культуру и т. д. Более полтысячи лет армяне жили в Османской империи три государственной политике гонений, травли и ассимиляции и не ассимилировались, и туркам пришлось в 1915 г. просто всех вырезать, уничтожить физически.

В сущности, по теории Г. А. Тирацяна, армяне не ассимилировали урартийцев, а наоборот, урартийцы тихо-тихо, втайне от мировой общественности, ассимилировали себя во что-то, чего еще и не было, и после того, как все урарты ассимилировали себя, это превратилось в основу армянского народа. Интересно, зачем это вдруг урартийцам понадобилось стать кем-то, а не оставаться самими собой? Зачем они ассимилировали себя, решив превратиться во что-то, что потом называли армянами (видимо, поэтому и не попали они ни в какую историю), т. е. речь идет о превращении урартов в армян и о превращении по собственной воле.

Как веский аргумент ассимиляции урартов в армян Г. А. Тирацян приводит данные из Бехистунской надписи: «имя отца армена Арахы урартский (Халди – велик, Халди – теаз), даже более, сам Халдита урартиец, видевший падение Урартской державы, но сохранивший свое существование из урартского рода во дни Армянского царства... Но этнические процессы... работали в пользу hшц (hau) – арменов... Результат, Халдита урартиец, а сын армянин... Сын Халдита (Арахы – В. Х.) армянин не только по данным надписи, но и своим именем, корень которого Ар-р, армянский малоазиатский. Таким образом надпись, весьма неожиданно, доводит до нас пример того момента 521 г. до н. э., когда переход урартиец-армянин становится реальностью в одной семье или роде» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–Армения», ИФЖ, 1, 1985, Ереван, стр. 200, 201). Из этой цитаты можно сделать следующие заключения. Г. А. Тирацян считает, что падение государственного строя равносильно уничтожению этнического состава, проживающего на территории этого государства: «сам Халдита урартиец, но сохранивший свое существование из урартского рода во дни Армянского царства». Но падение строя не есть замена населения или этнического состава, населяющего территорию этого государства, особенно в древние времена, когда основная масса населения была земледельческой, что отмечает и И. М. Дьяконов: «...достаточных свидетельств о полной внезапной смене больших земледельческих этнических масс в ранней древности нет... так как крестьяне, как правило, держатся за землю до последней возможности». Нашествия-набеги, хотя и оказывали известное влияние на состав местного населения, не могли коренным образом менять его этнического характера... Естественно, что центр первоначального расселения остается занятым прежним этносом...». («Типы этнических передвижений в ранней древности», Древний Восток, 4, Ереван, 1983, стр. 6, 9, 11, 13).

Даже в наше время — это так: Российская империя вместе с царизмом пала, но состав ее населения не изменился, и сейчас в Советском Союзе живут те же народы, что и в царской России; пала фашистская Германия, но не изменился

этнический состав ее населения, и сейчас в Федеративной Республике Германии и Германской Демократической Республике проживает тот же этнический состав. Затем у Г. А. Тирацяна читаем: «Но этнические процессы... работали в пользу хш-арменов». Какие это этнические процессы – неизвестно, и почему они работали в пользу хш-арменов – также неизвестно. Это просто декларация. Далее: «Результат, Халдита урартиец, а сын армянин... Таким образом надпись весьма неожиданно доводит до нас пример того момента 521 г. до н. э., когда переход урартиец-армянин становится реальностью в одной семье или роде».

Оказывается, Г. А. Тирацян с точностью до одного момента (т. е. 521 г.) установил процесс ассимиляции так называемых урартийцев.

В книге «Наири-Урарту» Г. А. Меликишвили пишет, «что упоминаемый в ассирийских источниках царь этой страны (Андиа – В. Х.) Telusina... носит хурритское название. Но поэтому нельзя заключить, что население данной страны являлось хурритским» (Тбилиси, 1954, стр. 141). Но можно оглянуться и сейчас вокруг и увидеть, сколько армян носят такие имена как Володя, Фрунзик, Бармен, Сократ, Октябрина, Мальвина, Фердинанд, Наполеон, Щорс, Леонид, Снайпер и т. д. и разве от этого они перестают быть армянами? Как указывает И. М. Дьяконов, «собственные имена, сохраненные другими источниками, почти ничего не дают: так, ...мы знаем, что царь Арташес I во II в. до н. э. был армянин, а он носил иранское имя и пользовался для официальных целей арамейским языком и арамейской письменностью... можем ли мы поручиться, что все династии (Армянского – В. Х.) нагорья в IX–VII вв. до н. э., носившие хурритские или лувийские имена и пользовавшиеся «хеттской – иероглифической» письменностью и клинописью, действительно были хурритами и лувийцами? Поручиться в этом нельзя – так как существенна не столько языковая принадлежность династов, сколько народа». («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 241–245).

Можно привести сколько угодно примеров, когда в связи с условиями приспособления давались имена, присущие данной местности, например,

Таришматум, жена ассирийского колониста в Канеше (XIX в. до н. э.). «Часть жизни прожила в Канете, затем переехала в Ашшур... во время своего пребывания в Анатолии родила дочь, которой было дано имя Хаттиум («Хаттийка») (Древний Восток, 4, Ереван, 1983, стр. 69). Но дочь ассирийка, а не хаттийка. В V–IV вв. до н. э. в Ликии знать принимала иранские имена. «В одной индийской надгробной надписи IV в. говорится, что гробница принадлежала Хласигини (ликийское имя), сыну Мегабата (иранское имя) (М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин, «Культура и экономика древнего Ирана», Москва, 1980, стр. 287). Или же «В элефантинском гарнизоне находились также вавилоняне... Иногда отец носит вавилонское, а сын – иранское имя, или наоборот» (там же, стр. 301). «Персидский сатрап Вавилонии Губару назвал своего сына вавилонским именем Набугу. Персы Артабар, Багадат, Багак, Уштабазан и другие, жившие в V в. до н. э. в Ниппуре, давали своим детям чисто вавилонские имена Нидинту-Бел («дар бога Бела»), Бел-ибни («Бел-создал»), Нана-надин («богиня Нана дала») и т. д. Однако и вавилоняне давали своим детям иранские, арамейские и другие чужеземные имена» (там же, стр. 291), «в большинстве случаев египтяне, которые жили в Вавилонии, ...стараясь приспособиться к окружающей их этнической среде, стали давать своим детям вавилонские имена» (там же, стр. 293). «На берегу Евфрата Ниппурского была расположена колония армян и мидийцев (*urastaja, milidajs*) – первое название, означающее «урарты», является анахронизмом и обозначает в эту эпоху армян...» (там же, стр. 294). Но, по нашему мнению, никакого анахронизма в этом документе нет, ураштая – это житель территории (или государства), именуемой в Вавилоне Урашту, в Библии Араратское царство, а у персов Армина. «Армянин (*urastaja*), который носил вавилонское имя Нергал – убаллит, упоминается в качестве чиновника еще в документе из Урука в начале царствования Набонида. Позднее, судя по Бехистунской надписи, армянин Араха поднял восстание в Вавилонии, выдавая себя за вавилонянина Навуходоносора» (там же, стр. 294). Можно привести и еще примеры, но их и так достаточно.

Разве в истории не было армян с именами Тирибаз, Тигоан Дадаршиш, Митраваст, Ксеркс и т. д. и почему могут быть имена, образованные от бога Митры, а не могут быть от бога Халди?

Араха был армянин и его отец Халдита был армянин, а армяноязычное население Ванской державы вместе с другими поклонялось своему верховному, государственному богу, богу Халди и носило теофорные имена, и культ своего верховного бога армяне пронесли с собой две с половиной тысячи лет и довели до нас в легенде о Мхери-дур, о чем уже упоминалось; «Дверь Халди» стал «Дверью Митры», Мхери-дур. Гр. Капанцян в книге «Хайаса – колыбель армян» пишет, что «арменизация в общем шла мирным путем, судя по тому, что армяне носили имена с халдскими (resp. хурритскими) частицами (Арахи, Халдита, Арамаис, Араманиак), причем у них сосуществовали как родные боги и хайс-арменский Ара (откуда Арахи) и халдо-урартский Халд (откуда Халдит)» (Ереван, 1947, стр. 159).

«Синкретизирован был также хуррито-урартский бог-громовержец, у хурритов он назывался Tessob, а у урартов Teiseba ...у древнейших армян как Торк; (И. М. Дьяконов, «К вопросу о символе Халди», Древний Восток, 4, Ереван, 1983, стр. 192).

Приведем два отрывка из статей Г. А. Тирацяна. «Удивительная похожесть, которая иногда заметна в некоторых видах металлообработки и керамического производства в урартский и армянский периоды можно объяснить и тем обстоятельством что урартские металлообрабатывающие и керамические мастерские не прекратили свою деятельность в армянский период, хотя бы в начале, и что работающие мастера в этих мастерских этнически были урартцами, которые продолжали производить те же виды металлических и керамических изделий, приспособлявая их к требованиям нового времени. Но и эти ремесленники, наличие которых могут свидетельствовать образцы материального производства раннего армянского периода, удостоились той же судьбы, которая постигла другие социальные слои, все они стали армянами» («Неиндоевропейские предки армян хурри-урарты и проблема Урарту–

Армения», ИФЖ, 1, 1985, Ереван, стр. 201). Как видим, Г. А. Тирацян не может согласовать противоречия, его все время преследует гипотеза-предположение об ассимиляции несуществующих урартов. В данном случае разговор не может идти об урартском и армянском периодах, а о разных государствах, после гибели первого с его династиями на его же территории возникло второе, с новыми династиями, но это произошло уже в эпоху новых социальных перемен и образования государств нового типа (от того, что Армения стала Социалистической Республикой, не изменился этнический состав ее населения), а в мастерских работало то же население, как при первом, так и при втором. Та же проблема возникает у Г. А. Тирацяна и в следующем отрывке: «В ранний армянский период продолжали действовать ряд урартских металлообрабатывающих мастерских: значение этого явления в том, что оно выдвигает серьезные вопросы, в том числе и для истории этноса: кто работал в этих мастерских: армяне или урартийцы? Тот же вопрос возникает при изучении раннеармянской керамики. Раннеармянские и урартские глиняные кувшины явно настолько похожи, что может быть мастера-урартийцы обслуживали раннеармянские керамические печи» («Урарту–Армения», ИФЖ, № 1, 1978, Ереван, стр. 58). На наш взгляд — это явление никаких серьезных вопросов не выдвигает, в том числе и для истории этноса. В этих мастерских работали потомки тех же самых представителей Ванской державы, которые много столетий жили на этой территории и после падения государственного строя никуда не делись (если кое-кто из них не погиб в войнах), а продолжали жить на своей родине, независимо от того, как менялся государственный строй.

Но какие этнические группы или какой этнос жил веками на этой территории? Это уже иной вопрос, на который наука ответить пока не может. Жил разный этнос, большинство армяне, и во времена Ванской державы, и после ее падения, о чем знает и Г. А. Тирацян. «Удивительная общность явлений материальной культуры Урарту и Армении нельзя объяснить лишь жизненностью традиций или их долговечностью. Эти традиции имели

конкретных живых носителей... Изучение этих слоев (в Армавире – В. Х.) показывает, что здесь армянская эллинистическая культура оформилась в урартской среде, в полном смысле этого слова» (там же, Ур. и Ар., стр. 58, 59). Эта культура не оформилась в урартской среде, эта культура продолжала свою жизнь, если для этого были условия, независимо от изменения государственного строя, как и в любой другой стране и в любом другом периоде. Этнос не изменялся, изменились социальные условия, которые породили государства нового типа взамен древневосточных, а новые социальные сдвиги породили новую культуру, как и сейчас, новые социалистические условия породили и новую культуру нашего народа после Октябрьской революции, и советизации Армении. Царская Россия пала, а представители населения этой территории продолжают жить и создают сейчас социалистическую культуру, хотя и отличную от прошлой. Этнос от этого не изменился. И еще другой аспект проблемы, из того, что Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика создают сейчас разные культуры, не явствует, что там живет разный этнос. «Политические границы часто изменяются, сужаются или расширяются в зависимости от политических обстоятельств в тот или другой исторический период, между тем этнические границы сравнительно тверды, поскольку население той или другой страны продолжает жить на территории своих предков» (Ш. Смбатян, комментарии, «М. Каланкатуаци, История страны Алуанк», Ереван, 1984, стр. 130).

Что касается хурритского элемента в Ванской державе, то на сегодняшний день науке известно, что хурриты какими-то очагами были распространены на всей территории Передней Азии, возможно, что в какой то период хурритской была правящая династия, впоследствии ассимилированная армянами, так как любой правитель или любое правительство – правящая верхушка, вынуждены заигрывать с народом, которым они правят, заигрывать и властвовать, представлять себя сторонниками интересов народа, но не противопоставлять себя ему, в том числе и в этническом плане. Александр Македонский в

Вавилоне совершил обряд «прикосновения к рукам Бела», т. е. получил власть от Вавилонского бога Бела-Мардука, тем самым выставляя себя перед народом Вавилонии законным правителем, а не захватчиком. Так же заигрывали с народом и менее сильные захватчики, в том числе и иноземные династии, взявшие власть в том или ином государстве. Иные правители могут скрыть это, как, например, армянин Араха, который, чтобы заполучить власть в Вавилонии, объявил себя Навуходонасором. Иные могут не скрывать, но приспособиться, чтобы не вызвать психологическое противодействие со стороны народа, но такая ситуация в конце концов приводит к ассимиляции правящей династии. Но ассимилировать весь этнос, который в течение трехсот лет был господствующим со стороны только-только зарождающегося этноса, невозможно.

Известен один факт: после падения Ванской державы на территории этого государства продолжало жить армяноязычное население, составляя наибольший процент среди других этнических групп.

Все теории об урартах упираются в тупик после падения Ванской державы, и ни одна из них не может ответить на вопрос, куда исчезла многомиллионная урартская нация (по данным И. М. Дьяконова их было два–три миллиона («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 250), после того, как пала Ванская держава, и почему вся территория этого же самого государства, т. е. Ванской державы, оказалась заселенной армянами.

По Б. Б. Пиотровскому, после того, как погибла Ванская держава, началась консолидация армянских племен на территории Армянского нагорья, т. е. на той территории, на которой триста лет существовала одна из мировых держав, предельно организованная, разделенная на тщательно контролируемые административные единицы, во главе которых стояли областеначальники. Все жители державы триста лет несли государственные обязанности, служили, работали, платили налоги, шли на войну, подчинялись законам и правилам, все было под предельным учетом, и вдруг, после трехсотлетней государственной жизни на этой территории, неведь откуда появились

армянские племена с их первобытнообщинными отношениями и начали консолидироваться. Но дело не только в этом. До Ванской державы части Армянского нагорья входили во II тыс. до н. э. в такие державы, как Хеттская и Миттаннийская. «Окраинные части (Армянского нагорья во II тыс. до н. э.) непосредственно входили в Хеттское и Миттаннийское царства и разделяли их исторические судьбы» (И. М. Дьяконов, «Предистория армянского народа», Ереван, 1968. стр. 45). Это означает, что еще до Ванской державы жители Армянского нагорья жили в классовом обществе около тысячи лет. Как же после этого и после падения Ванской державы появились здесь первобытнообщинные отношения?

И. М. Дьяконов пишет: «...изучая древнейшую социально-экономическую или культурную историю армянского народа, нельзя начинать ее как бы с чистого листа и искать в VI–V вв. до н. э. первобытнообщинных отношений: нет сомнения в том, что древнейшую армянскую историю можно правильно понять только как продолжение еще более древней истории...

Сейчас уже признано, что зачатки армянской государственности уходят не только в эпоху падения Урарту и Ассирии, но и глубже; зачатком ее могло быть... любое хурритское, урартское или лувийское государство на территории Армянского нагорья...» («Предистория армянского народа», Ереван, 1968. стр. 241-243).

Б. Б. Пиотровский пишет: «Расселение армян мне не представляется как переселение отдельных племен, как смена места жительства, а как разрастание образующегося народа, его ассимиляции с населением других стран, входивших в тот же союз. Формирование армянского народа представляется, таким образом, процессом длительным, охватывающим примерно пять столетий, т. е. с VII по II век до н. э.» («О происхождении армянского народа», Ереван, 1946, стр. 31). Речь идет о разрастании, но как это можно представить себе какое-то небольшое ядро, которое неизвестно на основании каких исторических процессов, разрастаясь, поглощает все вокруг, в том числе и многомиллионную урартскую нацию, за плечами которой была трехсотлетняя

мощная держава, единый урартский язык, культура мирового уровня и т. д. Какие исторические силы были за плечами этого ядра? Речь идет не об армянском народе, так как он, по данной теории, появился только после того, как поглотил всех урартов, через полтысячи лет. Речь идет о небольшом ядре, сила которого превзошла силу многомиллионных цивилизованных урартов с собственным всеобщим языком и культурой. Какими историческими процессами можно оправдать такую гипотезу? Таких объяснений Б. Б. Пиотровский не приводит, да их и нет.

Этот процесс поглощения урартов со стороны небольшого ядра продолжался полтысячи лет и в течение этих полтысячи лет постепенно иссякала многомиллионная урартская нация и появлялась в мире армянская нация, видимо, в какой-то промежуток времени численность этих двух народов была одинаковой и за все это время со стороны урартской нации не было сделано никаких усилий для того, чтобы прекратить собственное уничтожение. Как будто всех урартов усыпили. Но если в течение полтысячи лет урарты и армяне жили бок о бок, как же получилось, что урарты не попали ни в какую историю и не оставили о себе никакого следа в памяти армян, пока последний из них не ассимилировался в металлургических мастерских (по теории Г. А. Тирацяна). Ведь ни один историк не заметил их за эти полтысячи лет, и они не оставили следа даже в устной традиции армян.

Далее Б. Б. Пиотровский предполагает, «что в событиях, приведших к гибели Ассирии и Урарту, сыграл свою роль и армянский народ» («Ванское царство», Москва, 1959, стр. 127), т. е. невзирая на свою точку зрения о разрастании армянского народа за счет ассимиляции других народов, в том числе и урартов, Б. Б. Пиотровский признает, что ко времени гибели Ассирии уже существовал армянский народ, существовал в бытность Ванской державы. Мало того, к этому времени армянский народ представлял собой такую силу, что мог участвовать в уничтожении держав древнего мира, какими были Ассирия и Урарту. Но откуда появился этот народ? Он почему-то появляется внезапно или к моменту гибели Ванской державы, или после ее падения. «В

истории Передней Азии второй раз, но уже на новой основе, образуется союз стран западной части Армянского нагорья. Во главе его, вероятно, стала страна Арме (Армини), почему соседние народы начали называть западную часть Армянского нагорья Арминой, в то время как вавилоняне продолжали именовать ее старым термином Урашту. С их точки зрения там ничего существенного не произошло, вторжения новых племен не было, страны остались те же... Армены не вели войн с урартами» (Б. Б. Пиотровский, «О происхождении армянского народа», Ереван, 1945, стр. 27).

«С другой стороны и Моисей Хоренский как-будто отождествляет Урарту (библейскую страну Арарат) с Арменией» (там же, стр. 27).

В Библии говорится об убийстве в 681 г. до н. э. ассирийского царя Синахериба его сыновьями, которые спаслись бегством в страну Арарат. Сэйс этимологизировал ассирийское Urartu как «высокая страна», т. е. горная страна, а в книге бытия (VIII, 4) говорится о том, что ковчег остановился «на горах Арарата», в греческом переводе написано «на горах Арарат», а в латинском «на горах Армении». В IV Книге царств (XIX, 37) говорится, что после убийства Синахериба его сыновья убежали в «землю Арарат», то же у Исаии (XXXVII, 38). Моисей Хоренский рассказывает, что они «спаслись бегством у нас». Все эти данные говорят о тождественности значений терминов: Урарту, Урашту, Арарат, Армина.

Для вавилонян, вплоть до конца V в. до н. э., здесь ничего не произошло. Они продолжали именовать территорию-государство термином Урашту. Поражение Ванской державы им было известно, но Ванская держава терпела поражение и при Саргоне II. «Армены не вели войн с урартами», да их и не было, а жители потерпевшего поражение государства продолжали свою жизнь и старались исправить положение, как и в любом другом государстве в такой ситуации.

Административное изменение этой территории никого не удивило, а этнических изменений не было, так как административно-политические изменения не равносильны и не тождественны этническим. Территория-

страна (что в древнем мире понимали под термином страна, науке еще предстоит уточнить) Урарту, Урашту, Арарат, Армина, Хайк продолжала свою жизнь, в ней жило то же население, что и испокон веков. Обычным результатом после гибели держав оказывается административно-политическая раздробленность даже на территориях с единым этносом, так как активизируются локальные местные силы. Так было и после падения Ванской державы, «о превосходство среди народов, населяющих Ванскую державу, было за армянским народом. Известен исторический факт – к моменту гибели Ванской державы ее территорию населял армянский народ. «В отличие от старых государств древнего Востока, новый союз создает общий язык» (Б. Б. Пиотровский, «О происхождении армянского народа», Ереван, 1946, стр. 31). Но этот общий язык мог образоваться и стать признанным только в том случае, если к моменту поражения Ванской державы на нем разговаривало большинство населения этой державы, т. е. он был языком этой страны. В книге «Ванское царство» Б. Б. Пиотровский отмечает, что «скифы содействовали быстрому распаду древневосточного рабовладельческого строя, но не они стали новой организующей силой на территории стран древнего Востока, а союзы малых стран, входивших ранее в могущественные рабовладельческие государства» (Москва, 1959, стр. 256), затем указывает, что «армянское государство выросло на основе союза племен, входивших в Урарту. История этих отдельных племен уходит в глубокую древность» (там же, стр. 257), а в книге «О происхождении армянского народа» говорит, что «в состав Ванского царства входили страны, имевшие целые династии своих правителей и многие названия их, засвидетельствованные еще хеттскими текстами сер. II тыс. до н. э., сохранились в армянской средневековой топонимике» (Ереван, 1946, стр. 8), а «древнейшие родовые фамилии армянских князей хронологически уходят за пределы армянского государства, будучи связанными с Урарту... Таковы древнейшие армянские княжеские фамилии Аршакуни, Арцруни, Бзруни, Рштуни...» (там же, стр. 10). «...материалы по истории Древнего Востока

определенно свидетельствуют о глубоких связях армян с Передней Азией, совершенно отвергая точку зрения о внезапности появления армян на исторической арене в VI в. до н. э., на которой основывалась миграционная теория, реконструировавшая, без каких-либо исторических фактов, приход целого народа» (там же, стр. 36). Приход целого народа, без каких-либо исторических фактов, невозможно реконструировать и теорией ассимиляции урартов армянами, и прав Б. Б. Пиотровский, когда пишет, что «мы не располагаем ни одной научной работой, в которой бы вопрос происхождения армян рассматривался углубленно» (там же, стр. 3).

Необходимо отметить, что И. М. Дьяконов не делает категорических выводов, если вопрос недостаточно освещен в источниках. К тому же он четко определяет возможности источника, например, книга «Предыстория армянского народа» написана только на основе языкового материала, так же, как и книга «Наири–Урарту» Г. А. Меликишвили. И. М. Дьяконов отмечает: «Мы начали с характеристики этнического состава населения Армянского нагорья и окрестных стран в III–II тыс. до н. э., теперь следует попытаться охарактеризовать этнический состав населения на той же территории в начале I тыс. до н. э. Как и прежде, мы остановимся главным образом на языковых признаках этноса» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 190).

И. М. Дьяконов также считает, что «урарты вошли еще одним, чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа» (там же, стр. 239). Но ассимиляция урартов армянами, как уже говорилось, могла состояться лишь в условиях, когда силы армянского народа превосходили бы силы урартов во многих отношениях или же эти силы должны были быть равны и при каких-то исторических процессах перевес перешел бы на сторону армян. Но таких данных И. М. Дьяконов не приводит, а наоборот, отмечает, что носители фригийского языка «заселили фактически опустошенную территорию Хеттской державы (почему опустошенную, ведь падение государственного строя не означает поголовное исчезновение

населения, проживающего на этой территории – В. Х.), в то время, как мушки вошли сначала в состав хурритского государства Алзи и лувийского Мелида, а затем влились в цветущую Урартскую державу... Число прибывших на Армянское нагорье мушков составляло ...не более 10% всего населения державы. Таким образом, биологическая масса, из которой составилась армянский народ к середине I тысячелетия до н. э., на 90% состояла из урартов, хурритов и отчасти лувийцев» («К праистории армянского языка», ИФЖ 4, 1983, Ереван, стр. 174). Но Гр. Капанцян придерживается иного мнения, отмечая, что «в отношении армян мы не знаем, чтобы фригийские «армены» вторглись в Малую Армению и завоевали ее, ассимилировав аборигенов этой страны, а в дальнейшем и жителей Великой Армении («Хайаса – колыбель армян», Ереван, 1947, стр. 168).

Чрезвычайно мощный в численном и культурном отношении народ не может ассимилироваться менее мощным и менее культурным, в таком случае урарты должны были бы ассимилировать мушков-армян, а не наоборот. Затем читаем: «...история армянского народа – прямое продолжение истории не только протоармян (мушки – В. Х.), но и... хурритов, урартов и лувийцев. Основная масса армянского народа составила из их потомков в какой-то исторический момент... Уловить этот момент очень трудно» (И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 241).

Эту гипотезу И. М. Дьяконова мы уже разбирали в связи с предположениями Г. А. Тиранца, здесь только отметим, что основная масса не могла состоять из их потомков. В таком случае получается, что они были армянами, но не говорили на армянском языке.

Не только язык определяет этнический состав народа, а в первую очередь антропологический тип, так как антропологический тип более устойчивый компонент в сравнении с языком и с культурой (язык можно потерять и восстановить в течение одного поколения). У И. М. Дьяконова получается, что основная масса стала жертвой ассимиляции небольшой группы, но так не бывает.

Если у Г. А. Тирацяна ассимиляция урартов армянами происходит в VI в., у Б. Пиотровского от VII до II вв. до н. э., то И. М. Дьяконов считает, что уловить этот момент трудно. Трудно, потому что на данном этапе науке не известны такие исторические процессы, которые создали условия для такой ассимиляции. Неизвестно, когда возник армянский народ и что он собой представлял в эпоху Ванской державы; неизвестно, какие силы дали возможность армянам ассимилировать урартов, и неизвестно, что собой представляли урарты и почему они так поголовно ассимилировались.

### **Мушки и другие вопросы**

Теория И. М. Дьяконова о мушках требует особого внимания, но здесь коротко отметим, что последние данные науки говорят о том, что миграция мушков шла не с запада на восток, неся с собой протоармянский язык на Армянское нагорье, а наоборот, с востока на запад, с Армянского нагорья к западному побережью Малой Азии, Дж. Г. Маккуин в книге «Хетты и их современники в Малой Азии» пишет: «...от прежней антиассирийской коалиции остался один Мита, разгромленный, но не покоренный... Ясно только, что Миту вытеснили с верховий Тигра и Евфрата, Мита отступал на северо-запад, пока не оказался в большой излучине р. Галис... В 714 г. до н. э., когда Мита отступал, а ассирийцы преследовали его, орды полудиких киммерийских воинов из южных русских степей... двинулись на запад, вдоль южного побережья Черного моря... В результате их продвижения Мита оказался зажатым между двумя враждебными силами. Единственный путь отступления лежал прямо на запад, вдоль древней торговой дороги к Эгейскому побережью и Мраморному морю. По этой дороге и двинулся Мита; он навсегда ушел из захваченных ассирийцами Центральной Анатолии и появился у границ греческого мира — уже как знаменитый царь Мидас из Фригии» (Москва, 1983, стр. 55).

Здесь мы имеем реконструкцию движения фригийских племен в VIII в. до н. э. Что же касается движения протоармян с запада на восток в XII в. до н. э., то это лишь предположение без фактов и без доказательств.

В анналах Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.) написано: «В начале моего царствования 20000 человек мушкийцев и 5 царей их, – которые вот уже 50 лет как захватили страны Алзи и Турулумзи, ...спустились с гор и захватили страну Катмухи... с 20000 их бойцов и 5 царями их в стране Катмухи я померялся силами, нанес им поражение... 6000 человек, остаток их войск, которые бежали от моего оружия, обняли мои ноги; я их принял и причислил к моим людям страны» (И. М. Дьяконов, АВИИУ, стр. 270). В примечании И. М. Дьяконов объясняет «Maskaja». Это этнонимическое название, идентичное с др. евр. «Мешек» (из Mask)... нередко относится ассирийскими надписями также к фригийцам. Появление «мушкийцев» в долине нижнего течения реки Арацани и у истоков Тигра, несомненно, связано с передвижениями, следовавшими среди малоазийских племен при падении Хеттского царства, в результате которого и сложилось в конечном счете государство Фригия. Возможно, однако, здесь имеются в виду мосхи в узком смысле слова – племена, вероятно, родственные позднейшим иберам» (там же, стр. 275).

Из текста Тиглатпаласара I явствует, что в 1165 г. до н. э. мушкийцы захватили страны Алзи и Пурулумаи, но откуда они начали захват этих стран, нам неизвестно, также неизвестно, что они двигались с запада.

И. М. Дьяконов причисляет мушков к фригийским племенам и считает, что они двигались с запада на восток в XII в. после падения Хеттской державы, отмечая, что «остаётся предположить, что протоармянский проник на Армянское нагорье... с XII до X в. до н.э. Так как общее движение фрако-фригийских племен шло, как мы видели, с запада на восток, то в протоармянах мы должны видеть головной отряд этого движения... мы должны, во-видимому, искать протоармян в мушках или урумейцах, или в тех и других племенах» («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 209). А. Гетце же сопоставляет мушков с касками-кашками, которые по

предположению Г. А. Меликишвили были грузино-язычными племенами. Гр. Капанцян пишет: ««Езекиил, живший в 592–570 годах до н. э., всегда вместе упоминает Мосоха и Тобела, т. е. мушков и тибаренов. Эти племена, несомненно, грузинского происхождения, и напрасно многие ученые отождествляют мосхов и фригийцев, считая первых также индоевропейцами» («Хайаса – колыбель армян», Ереван, 1947, стр. 144) и далее поясняет: «грузины называли армян сомехами по имени арменизировавшихся пограничных их мосхов» (там же, стр. 253).

Как уже отмечалось, И. М. Дьяконов не возражает, что мушки могли быть и грузиноязычным народом, «возможно, однако, здесь имеются в виду мосхи в узком смысле слова – племена, вероятно, родственные позднейшим иберам». Исходя из того предположения, что мушки фригийского происхождения, И. М. Дьяконов определяет роль мушков как носителей древнеармянского языка и армяно-фригийского языкового родства, несмотря на то, что этот вопрос дебатруется до сих пор, так как есть ученые, которые не согласны с таким мнением. Сам И. М. Дьяконов пишет: «Поскольку армянский язык неродственен языкам автохтонов Армянского Нагорья – хурритов и урартов и т. п. ... и к тем ветвям индоевропейской семьи, которые проникли в Переднюю Азию в III и в первой половине I тыс. до н. э., постольку он должен считаться появившимся здесь либо еще раньше, либо позже этого времени («Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, стр. 203–204). «...во всяком случае, ни в одной другой группе индоевропейских языков он (протоармянский – В. Х.) не находит себе места. Область первоначального расселения носителей этого языка нам предстоит определить» (там же, стр. 195). В данном случае, место протоармянского в фрако-фригийской группе языков, определено вынужденно, а не доказано, так как «он нигде не находит себе места», также неизвестно, когда и где он зародился, «...лингвистические данные показывают, что фригийский и древнеармянский разделились, отойдя от общего языка-основы, значительно раньше: древнеармянский особый язык фрако-фригийской ветви, а не диалект фригийского языка VIII в. до н. э.» (там

же, стр. 208). В примечании на стр. 195 И. М. Дьяконов объясняет, что «в лингвистике иногда выражаются сомнения в самом существовании фрако-фригийской ветви как целого» и пишет: «сопоставить словарный состав фригийского и древнеармянского трудно. До нас дошло несколько фраз на старофригийском языке и несколько фраз на позднефригийском времен Римской империи, а также некоторое количество отдельных фригийских слоев того же времени (т. е. времени Римской империи – В. Х.). Позднефригийский уже подвергся сильнейшему влиянию греческого, но и старофригийский являет ряд заимствований из древнейшего ахейского греческого... Но наиболее существенно то, что дошедший до нас материал фригийского языка почти не содержит слов основного фонда, которые только и могут правомерно сопоставляться для выяснения языкового родства» (там же, стр. 205). Но так как до сих пор в науке предполагалось, что прародиной носителей индоевропейских языков являлась Восточная Европа или Балканы, то И. М. Дьяконов пишет, что, исходя «из географических соображений следует также, что протоармяне должны были быть головным отрядом фрако-фригийского движения в Малую Азию и, следовательно их язык должен был ответвиться от языка-основы не позже начала этого движения, то отсюда вытекает, что фригийский и протоармянский должны были быть отдельными языками... еще на их балканской родине» (там же, стр. 208).

Исходя из такого построения теоретической схемы, И. М. Дьяконов заключает: «Таким образом, мы должны искать протоармян в мушках или урумейцах, или в тех и других – племенах, проникших в долины Верхнего Евфрата и Арацани около 1165 г. до н. э.» (там же, стр. 209). Гр. Капанцян считает, что «нет веских данных об основном формировании армян из этих пришлых фригийских племен, об их политическом и культурном руководстве, о родстве их языков и о привносе этнического имени армии – этими же фригийцами из Балкан» («Хайаса – колыбель армян», Ереван, 1947, стр. 163). Но И. М. Дьяконов и сам понимает, что такой сложный вопрос, который мало изучен и не имеет необходимого фактического материала, так просто не

решается и предупреждает: «Следует напомнить, что речь у нас пока идет о протоармянах как носителях языка-предка древнего и современного, но не о более широкой проблеме – возникновения самого армянского народа, которая так просто не решается». («Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 209). Гр. Капанцян отмечает: «Имея в виду все факты, а также однобокость, преднамеренность (тенденциозность) и научную схематичность индоевропейской миграционной концепции в объяснении этногенеза армян, ...и прочее, я прихожу к тому заключению, что древнемалоазийский («азианический») этнический, языковой и культурно-исторический (в том числе и культовый) субстрат явно превалирует над всеми прочими» («Хайаса – колыбель армян», Ереван, 1974, стр. 170). Мы видим, что так просто не решается и проблема возникновения армянского языка, пока что на данном этапе развития науки мы имеем дело только лишь с предположениями.

По И. М. Дьяконову, «Мелитена, по крайней мере до начала VII в. до н. э. имела лувийскую династию (если судить по именам царей), но по ряду соображений... здесь следует предположить значительное, а может быть и преобладающее армяноязычное население уже в XII–VII вв. до н. э., ...термин *Nate* мог начать превращаться в обозначение «людей западного, заевфратского (т. е. протоармянского) языка». По-протоармянски этот термин должен был в реконструкции звучать *Nat'ios*, а его дальнейшее развитие должно было быть *Nat'ios* → *Hayo* → *haj*, по нашему предположению, урарты называли протоармян *Nate*, а переняв их язык, сделали этот термин своим самоназванием; грузины называли тот же этнос *Somexi* (по области Сухму-Сохму, самой северной из занятых протоармянами областей, граничившей с грузинскими племенами саспиров), арамеи называли их *Armenate* (по области Арме, где протоармяноязычные племена соприкасались с арамеями, отсюда и др. иранск. *Armina*); греки называли их сначала «мелитенянами», по их политическому центру Мелиду, или Мелитте (ныне Малатья), пока не приняли персо-арамейский термин *Armenioi*; также вавилоняне еще в V в. до н. э.

называли западную Армению Melid» («К праистории армянского языка», ИФЖ, 4, 1983, Ереван, стр. 173).

Вяч. Иванов считает, что «новейшие исследования, в частности, касающиеся топонима и этнонима Наја в его отношении к Armi и Azi, подтверждают правильность выводов Г. А. Капанцяна и полную ошибочность всех построений И. М. Дзяконова относительно происхождения этнонима hay-hati и других вопросов этногенеза армян» («Хронологические слои в древнеармянском и гимн Ва(х)агну», ИФЖ, 4, 1983, Ереван, стр. 30 примеч.).

«Малоазиатские хаттско-хеттские билингвы очень важны и для предыстории протоармянской культуры. В них широко представлена хаттская богиня Ta-si-me-ti, которая в староассирийской каппадокийской (малоазиатской) табличке из Ашура, датируемой рубежом III и II тыс. до н.э., связывается с Наја – этнонимом и ономастическим элементом, который соответствует, с одной стороны, древнему названию и самоназванию армян и протоармян, с другой – ономастическому элементу Наја, засвидетельствованному вместе с названиями местностей, областей или городов Azi и Armi в числе топонимов, фиксированных в цитируемых ниже клинописных текстах из Эблы середины III тыс. до н. э. ...позднее тот же термин Наја засвидетельствован как топоним в первых веках I тыс. до н. э. в иероглифической лувийской надписи из Кархемыша...» (там же, стр. 30, 31).

«В данном тексте (из Ашшура – В. Х.) божество (Ta-si-me-ti) соотнесено с сыном Хайи... В текстах деловой отчетности из Эблы, ...человек по имени Наia – Науа (в клинописной передаче, На-а) упоминается в следующих местах... В тексте 3 ...говорится... (1 разноцветную (пеструю) одежду посреднику (уполномоченному) Хайи'...».

...Особенно любопытно то, что в этом случае предшествующее лицо связывается с областью города Arm'... «для Му-ри (из) Арми» (там же, стр. 31). «С большой долей вероятности Арми, упоминаемое в текстах Эблы (в ранних надписях – как город, имеющий отдельного царя, позднее – наместника Эблы), отождествляется с Armānum, которое названо вместе с

Эблой в надписях Нарам-Суэна Аккадского. Другой человек из этого же Арми далее упоминается в том же тексте... для Малума (из) Арми. Далее в том же тексте среди прочих упоминается Azi... человек Ази... сын Ази...» (там же, стр. 32). «В другом экономическом тексте упоминается Хайя (из) Хутиму... Все указывает на вхождение этого названия в круг имен, относящихся к порубежью Малой Азии, Северной Сирии и Северной Месопотамии» (там же, стр. 32). Отметим, что «в XXIV–XXIII вв. до н. э. в надписи Саргона I Аккадского вместе с городом Эбла упоминается и город Арман (Арманум). При его внуке Нарамсине (2238–2202 гг. до н. э.) территория Аккада распространялась от Персидского залива до Армянского нагорья, где его войска столкнулись с войсками царя страны Армани Мадакинан, указанном в надписи известной под названием «Нарамсин и его враги» на старохеттском языке. «Нур... Уваруваш, царь страны города Амурри, Тишш(е)нкин, царь страны города Параши... Мадакинан, царь страны города Армани, Исчипп(ун)... Теш(ин), Ур-Ларкин», (В. Василян, «От мифов до Бюракана», Ереван, 1985, стр. 142). Так же в клинописи из Каппадокии конца III – начала II тысячелетия до н. э., в которой Нај и Урми упоминаются параллельно: «Эти два сосуда для рынка урумейцев... окно изготовил сын Најі» (там же, стр. 145). «Из тех традиций, которые так или иначе могли взаимодействовать с дописьменной армянской, следует в этой связи выделить древнесемитские». (Вяч. Иванов, «Хронологические слои в древнеармянском и гимн Ва(х)агну», ИФЖ, 4, 1983, Ереван, стр. 34).

Весьма вероятно, что период армяно-лувийских и армяно-северокавказских связей мог быть приурочен к той области, с которой соотносятся эти этнонимы (середина III тыс. до н. э. – В. Х.)

«К несколько более позднему времени, по-видимому, уже связанному с выделением протоармянского из древнего диалектного индо-ирано-греческо-армянского ареала, относится его взаимодействие с хетто-лувийским» (там же, стр. 27).

«Малая Азия и прилегающие к ней области в III–II тыс. до н. э. была ареалом интенсивного взаимодействия разных культур и языков... Взаимодействовали индоевропейские диалекты, в частности, выделявшиеся из индо-ирано-армяно-греческого... (протоармянский) и анатолийские... семитские – древние языки северокавказской семьи, среди них хаттский... хурритский» (там же, стр. 30).

Дальнейшие периоды дописьменной истории армянского, в частности во взаимодействии его с поздними хуррито-урартскими диалектами и с иранскими (там же, стр. 33). Г. Б. Джаукян считает, что заимствования происходили из армянского в урартский. «Высказанная нами еще в 1963 г. идея о возможности заимствования армянских слов в урартский, подкрепленная затем соответствующими примерами (в настоящей статье их число доводится до тринадцати), навела нас на мысль, что переданные в урартских надписях имена божеств отчасти могли быть армянскими, как вклад живших в соседстве с урартами армянских племен, причем эти божества могли частично быть лишь местными, а частично – приобрести более общий характер». («Армянский слой в урартском пантеоне», ИФЖ, № 1, 1986, стр. 58). «Но где и когда он (армянский народ – В. Х.) возник и сложился, – это из источников непосредственно не явствует. Очевидно, в наших сведениях имеются какие-то пробелы, или предки армянского народа скрываются в наших источниках под какими-то неотожествленными обозначениями». (И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа», Ереван, стр. 189).

Здесь мы не затронули теорию А. В. Иванова и Т. Гамкрелидзе о прародине индоевропейцев между Закавказьем, Сирией и Месопотамией, в территорию которой входит и Армянское нагорье, и их движении в последующие эпохи, из которой вытекает проблема движения части индоевропейских языков с Армянского нагорья на запад, а не наоборот, как это обосновывает теория о мушках. Эта новая теория по-новому осветит многие неясные вопросы, в том числе и вопрос этногенеза армян.

«В свете всех обнаруженных к настоящему времени данных этого рода представляется совершенно несомненным, что не только общеиндоевропейскую прародину, но и более позднюю территорию индоирано-армяно-греческой диалектной общности (после ее выделения из общеиндоевропейской общности) следует локализовать в Передней Азии». (Вяч. Вс. Иванов «Хронологические слои в древнеармянском и гимн Ва(х)агну», ИФЖ, 4, 1983, Ереван, стр. 27).

Любая наука при решении своих проблем стремится к завершенности, поэтому и родилось такое понятие в науке, как гипотеза. Если ученый не имеет достаточных фактических данных для того, чтобы ответить на все вопросы, возникающие при изучении или исследовании той или иной области человеческой жизни, он дополняет это изучение гипотезами, т. е. сам придумывает недостающие части, чтобы исследование выглядело завершенным. В таком случае наука выглядит как объективная истина, так как в любой гипотезе стремятся к тому, чтобы ее части логически вытекали одна из другой и были согласованы с целым. Гипотезами можно заполнить недостающие части целого или же на основе определенной гипотетической предпосылки приспособить к ней отдельные факты, можно совместить эти две формы. Книга И. М. Дьяконова «Предыстория армянского народа» построена на гипотезе-посылке о том, что прародина индоевропейцев была в Восточной Европе и оттуда армяноязычные или индоевропейскоязычные племена двигались на восток и осели на Армянском нагорье. Весь имеющийся в науке фактический материал располагается в книге, исходя из этой основной предпосылки. И. М. Дьяконов пишет: «Вообще теория (под словом теория надо понимать гипотезу – В. Х.) фригийско-армянского родства как нельзя лучше укладывается в рамки известных нам исторических фактов» (И. М. Дьяконов, «Место фригийского среди индоевропейских языков», Древний Восток, 2, Ереван, 1976, стр. 162). Хотим особо отметить, что И. М. Дьяконов с большой глубиной и огромной эрудицией освещает весь имеющийся фактический материал. Но посылка-гипотеза, как плод состояния самой науки

на сегодняшний день создает ученому затруднения в вопросах освещения этногенеза армян, на которые ответить пока невозможно.

Г. А. Меликишвили в своей книге «Наири–Урарту» пытается создать схему истории Ванской державы, в которой был бы дан ответ на все вопросы. Модель Ванского государства Г. А. Меликишвили воспринимает в виде модели современных «национальных» государств, скажем, Грузинская республика, грузинский этнос, грузинский язык и т. д. но древневосточные государства были иные, поэтому ему приходится заполнять гипотезами пробелы, среди которых и разговорный язык, и этнический состав. Но если И. М. Дьяконов четко определяет научное значение каждого факта, то Г. А. Меликишвили пользуется ими более вольно и больше строит свои положения на воображении.

Г. А. Тирацян выдвигает гипотезу равнозначности административно-политической системы и этнической общности: изменения политические равнозначны изменениям этническим, но это ложная посылка.

Наука не располагает еще достаточным фактическим материалом, чтобы ответить на многие, в том числе и основные вопросы истории Ванской державы. В XIX–XX веках это породило целый ряд гипотез и теорий об истории Ванской державы. Но чем больше появляется гипотез, тем больше они заслоняют имеющийся фактический материал и новому исследователю уже трудно пробираться сквозь них для того, чтобы стать лицом к лицу с достоверными научными фактами.

Любопытный факт – ученые ищут армян вокруг да около Ванской державы, но не на ее территории, как будто на этот заколдованный круг наложили табу. Известно, что после падения этого государства его территория оказалась заселенной в большинстве армянами, а не «урартами» или каким-нибудь другим народом. Поэтому придумали и гипотезу миграции, и гипотезу ассимиляции. Такое положение в науке создалось из-за того, что лидерство в реконструкции истории Ванской державы оказалось у лингвистов, а остальные компоненты стали как бы дополнять лингвистические данные. Но историю

любого народа и любого государства невозможно реконструировать на основе лингвистических данных, только комплексное исследование всех сторон человеческой деятельности способно воссоздать, и то в какой-то мере, древнюю историю.

Три основные компонента, определяющие этнос в вопросе этногенеза армянского народа, дают следующую картину: антропологический «арменоидный» тип прослеживается в течение тысячелетий. Относительно этого и культурных традиций однозначно пишет и И.М. Дьяконов: «являются ли армяне прямыми биологическими потомками населения, обитавшего на Армянском нагорье со времен позднего неолита – раннего бронзового века, то на него можно ответить только однозначно: да, конечно, являются... являются ли армяне носителями и продолжателями культурных традиций тех великих цивилизаций, которые создавались здесь со времени средней и поздней бронзы до конца эпохи древности, то и тут дискутировать нечего: этот вопрос, безусловно, решается положительно» («К праистории армянского языка», ИФЖ, 4, 1985, стр. 149). И далее: «Я должен заявить совершенно категорически, что я не считаю армян пришлым народом на Армянском нагорье, а, напротив, считаю их прямыми биологическими потомками автохтонов нагорья и прямыми продолжателями создателей великих древних культур этого региона» (там же, стр. 167).

Языковые данные свидетельствуют о том, что армянский язык является ответвлением языка праиндоевропейской общности без промежуточных звеньев, т. е. является одним из древнейших языков мира. На этом широком историческом фоне имеем клинописные надписи определенного государства в определенный период. Возникает вопрос, что это за явление? Узко лингвистический подход к истории Армянского нагорья не смог ответить на этот вопрос, создав теории миграции и теории ассимиляции, так как возвел этот ограниченный, да к тому же малоизученный материал, в единственную и всеобъемлющую научную категорию, создав на его основе урартский разговорный язык и урартский этнос, урартов или урартийцев, от которых нет

никаких следов в исторической традиции. Ни одна из этих теорий (т. е. гипотез) не оправдала себя. Но под какими же пластами скрыта древнейшая история армянского народа?..